

А. ЧАКОВСКИЙ

КОГО ФАШИСТЫ СЖИГАЮТ

(СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ)

509

Ч 16

Р28786.

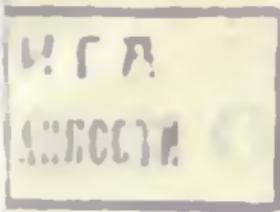

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 40

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА — 1941

А. ЧАКОВСКИЙ

КОГО ФАШИСТЫ СЖИГАЮТ

(СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ)

28386

Издательство „Правда“
Москва — 1941

Ств. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“ Изд. № 745
A39884 Заказ тип. 2330. Тираж 150.000 экз.
Формат бумаги 105×148 мм. 3 п. л. Знаков в печ. л. 43.200.
Цена 40 коп. Подписано в печати 23/VII 1941 г.
Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

ЭТО ПИСАЛ ГЕЙНЕ

«Здесь... прошедшее время гнасило свои мрачные вороньи песни, и при свете факелов говорились и делались глупости, достойные самого тупого средневековья... В Вартбурге господствовал ограниченный тевтонизм, много и визгливо говоривший о любви и вере, но любовь которого была не что иное, как ненависть к чужеземцам, а вера состояла только в отсутствии разума, и который в своем невежестве не сумел придумать ничего лучше сожжения книг!»

Странно! Эти так называемые старо-германцы, несмотря на свое невежество, заимствовали у немецкой учености известный педантизм, столь же отвратительный, сколь и смешной. С каким мелочным букводством они рассуждали о признаках немецкой национальности! Где начинается германец? Где он оканчивается? Имеет ли немец право курить табак? Нет! — утверждало большинство. Имеет ли немец право носить перчатки? — Да. Но

не иначе как из буйоловой кожи. Но пиво немец всегда может пить и должен это делать, как истинный сын Германии.. Немало удивился я однажды, когда увидел в Геттингенском пивном погребе, с какой основательностью мои старо-германские друзья изготавляли проскрипционные списки к тому дню, в который они должны были, по их расчетам, получить верховную власть. Каждый, происходивший хотя бы в седьмом колене от француза, еврея или славянина, приговаривался к изгнанию, мог готовиться к смертной казни и притом казни топором, а не гильотиной, несмотря на то, что эта последняя, собственно, германское изобретение и уже в средние века была известна под названием «итальянской петли».

Сошли ли совсем со сцены эти мрачные дураки, так называемые германофилы? — Нет. Они только сняли с себя свои черные одежды, ливрею своего безумия¹.

Неужели эти строки писались почти сто лет тому назад?!

Да, почти целый век прошел с тех пор, как написал эти строки великий Гейне.

Поэт уже семь лет томился в «матрацной могиле», уже черная повязка навсегда прикрыла его воспаленные глаза, уже атрофировались мускулы и высохли тонкие, ставшие почти прозрачными, руки, когда он вспомнил о своих врагах.

¹ Людвиг Берне «Гевриз Гейне», Избранные произведения. Гихл. 1934. Стр. 269—97

И этими жестокими словами он свел с ними свои давнишние счеты.

Они, эти враги, — филистеры, националисты, антисемиты, делали все, чтобы исковеркать его жизнь, медленно, капля за каплей отравляли они своим ядом дни поэта, и он нанес им последний, при жизни, удар, последнюю звонкую оплеуху.

...И просто не верится, что эти строки писались много десятков лет тому назад, настолько каждая из них современна, каждая и сейчас бьет в цель и притом сильнее, чем когда-либо.

ДЕТСТВО

«Первый человек девятнадцатого столетия»... так любил Гейне называть себя. Он уверял своих друзей, что родился в ночь на 1800 год. Но прошли десятки лет, и исследователи, кропотливые и придирчивые, опровергли это, казалось, самое неопровергимое свидетельство и отнесли дату его рождения на 13 декабря 1797 года.

Очевидно, Гейне шутил. Но и в этой шутке, как всегда, было много глубокомыслия. Пусть два года отделяют его рождение от рождения века. Он все-таки один из первых его людей, замечательный первенец столетия, подарившего человечеству столько гениев, сколько не снилось никакому другому веку.

Он родился в Дюссельдорфе-на-Рейне и, памятуя о знаменитом споре из-за Гомера, иронически сообщает потомству, что «родился именно там и определенно отмечаю это обстоятельство, на случай если после смерти моей семь городов — Шильда, Кревинкель, Польквиц, Дюльпен, Бокум, Геттинген и Шеппенштадт будут спорить о чести называться моей родиной».

Мать поэта была спокойна и рассудительна. Она поклонялась Руссо, «Эмиль» — ее настольная книга. Она мечтала вырастить сына в уважении к разуму и здоровым законам природы, боялась поэзии, видела в ней что-то неестественное и чуждое этой природе — единственной реальности.

Нет, «не от нее унаследовал я склонность к фантастическому и романтике», — писал Гейне много лет спустя.

Кто же в то время оказал на маленького Гарри решающее влияние? Кто воспитал в нем страсть к чудесному, жажду приключений и подвигов? Очевидно, это был Симон Де-Гельдерн, брат матери, его дядя... Низенький и толстенький человечек со строгим, бледным лицом, странный и необычный, крохотный, одевающийся всегда по старо-францески, в коротеньких панталонах, белых шелковых чулках, с косичкой, подпрыгивающей во время ходьбы.

Он считал высшей доблестью человека — честность, суровую рыцарскую честность, и сам напоминал какой-то персонаж из старо-испанской драмы, смешной анахронизм.

Культ Наполеона царил в семье Гейне. Мать, очарованная блеском империи, мечтала о блестящем будущем сына. Он будет великим и знатным, иначе не может быть. Она так хочет. Ведь могла же дочь соседа, фабриканта, выйти замуж и стать герцогиней; мог же, наконец, брат ее мужа, Соломон, великий гамбургский банкир, сделаться богатым и знатным, — так что же может помешать ее сыну украсить свои плечи золотыми эполетами?

Да, он будет великим и знатным. А пока он должен учиться, много читать, в особенности научные положительные книги, а для развлечения — ну, хотя бы «Бартоша — вождя разбойников», любимую в семье Гейне книгу.

Но... сын не хочет читать эти книги. Он не расстается с Дон-Кихотом. О, как любил он «Рыцаря печального образа», чем-то напоминавшего дядю Симона, несмотря на все внешнее их различие. Как ненавидел он людей глупых и злых, отравлявших рыцарю всю его прекрасную, полную добрых намерений жизнь. Двенадцати лет от роду Гарри сдружился с этой великой книгой, и трагедия бедного рыцаря стала его собственной трагедией.

В 1816 или 1817 году, по совету всемогущего и всеведущего Соломона Гейне, восемнадцатилетнего Гарри направляют в Гамбург. Может быть, там, в деловом Гамбурге, под руководством такого воспитателя, как дядя, из мальчика выйдет толк.

ГЕЙНЕ В ГАМБУРГЕ

Когда он и его кузина Амалия вошли в столовую, обед уже начался. Соломон Гейне, с подвязанной салфеткой у жирного подбородка, громоздкий и криклиwyй, его жена и несколько незнакомых Гарри мужчин и женщин сидели за столом. Амалия села, даже не взглянув на Гарри. И вот он стоит один у огромного буфета, уставленного серебряной посудой.

— Это Гарри, — слышится голос Соломона. — Гарри, мой племянник. Я взял его из Дюссельдорфа. Садись, дружок! — царственный кивок в его сторону. Лакей бесшумно подвигает стул.

Гейне сидит за большим обеденным столом между незнакомыми людьми.

— Ну, как работается, дружок? — грохочет дядя. — Ведь ты запомнил, что я сказал тогда? Труд и еще раз труд... Когда я приехал в Гамбург, я был без гроша...

Гарри поднимает голову.

— У вас было шестнадцать пфенигов, — слышится его тихий голос.

— Да, да, я очень рад, что ты запомнил эту цифру, шестнадцать пфенигов и ни гроша больше...

Гарри смотрит на Амалию. Она занята беседой с соседом, спокойно играет десертным ножом.

— Как ты проводишь досуг? — не унимается

дядя. — Ты должен много работать, тебе еще рано развлекаться...

— Господин Гарри — поэт, — раздается насмешливый голос Амалии. — Он мне признался, что пишет стихи.

— Поэт!.. — хохочет дядя. — Я всегда говорил его матери, что ее книги не доведут до добра мальчугана...

Тогда свершается невероятное. Гарри с шумом отодвигает стул, он стоит возбужденный, с растрепавшимися волосами, левая рука его комкает салфетку, правая сжата в кулак.

— Моя мать, — кричит он, — читала романы, и я сделался поэтом, но ваша мать читала только «Бартоша — вождя разбойников», и вот вы сделались банкиром. — Затем он бросает салфетку на пол, роняет стул и, расталкивая слуг, бежит из комнаты.

...Он в Гамбурге. Он лежит в своей маленькой комнатке, в доме вдовы Робертус. Страшные приступы головной боли следуют один за другим. Все кончено. Он опозорен, его презирают, о как он хочет отомстить им!

Спустя несколько дней он сказал дяде, что больше не будет работать и немедленно уезжает в Дюссельдорф.

Но дядя не хочет отпустить его.

Он согласен, что мальчику, действительно, надо покинуть город на несколько дней, переменить об-

станиовку, пусть он съездит во Франкфурт. У конторы имеются там кое-какие дела.

И Гейне соглашается. Он поедет во Франкфурт, куда угодно, только бы уехать из этого проклятого города, хотя бы на время.

ОН ВИДЕЛ ЭТО

...И вот он во Франкфурте, пробирается по узкой безобразной улице еврейского гетто, разыскивая купца, к которому дядя дал поручение. Покривившиеся, безобразные низкие дома тянутся вдоль улицы.

Он приехал рано утром и долго стучался, так как еще несколько лет тому назад всех жителей гетто запирали до утра. Это был Франкфурт, один из немногих городов Германии, до позднего времени сохранивший гетто.

Наконец, он разыскал нужного человека, передал поручение и отправился осматривать город.

Вечером, проходя по одной из улиц, он встретил странную процессию. Несколько десятков человек в белых, длинных, похожих на больничные, халатах, с вышитыми на плече крестами двигались по мостовой. Многие путались в своих одеяниях и поддерживали халаты, как женщины юбки. На большинстве из них надеты капюшоны, но было жарко и многие откинули свои колпаки. Гаури видел сытые, самодовольные, молодые ли-

ца. Каждый из этих людей нес по несколько книг, и это делало их похожими па попов, следующих на богослужение. Прохожие не задерживались, как будто люди в белых халатах были для них привычным зрелищем.

— Что это? — спросил Гарри одного из прохожих.

— А вы не знаете? — удивился тот. — Это орден тевтонов.

Да, Гарри, конечно, знал об этом ордене, об этой организации бурштей и так называемых старых германцев, но в Дюссельдорфе ему не приходилось их видеть.

Гарри пошел за людьми в белом. Смеркалось, откуда-то появились зажженные факелы, первые ряды затянули какую-то немелодичную, маршеобразную, криклившую песню.

Вскоре они вышли на широкую площадь. Посредине ее Гарри увидел деревянный помост. Люди с факелами расположились полукругом, и Гарри, притиснувшись почти в первые ряды, увидел, что к лестнице, ведущей на помост, пробирается какой-то человек. Он был высок и широкоплеч, длинные седые волосы его беспорядочно падали на широкий отложной ворот рубахи, в руках была суковатая палка. Гарри видел на картинках лицо этого человека. Это был Масман, ярый тевтон, вождь «партии народной гимнастики».

Спокойно и властно прокладывал он себе дорогу, в то время как люди, окружавшие помост, вы-

крикивали свою песню. Наконец, он взобрался по лестнице, подошел к краю помоста и начал говорить.

Гарри плохо понимал эту речь. Резкий берлинский диалект резал его слух южанина, привыкшего к протяжным окончаниям...

«Подлые книги... Не германский дух...»

Затем Масман взмахнул толстой палкой, и, точно по команде, люди в белом бросили свои книги перед помостом. Раздались крики «хах», и вспыхнул кем-то подожженный костер.

Гарри обуял страх. Он видел, что здесь, в центре города, совершается страшное преступление. Он не понимал, почему никто из прохожих не обращает внимания на людей в белом. Он смотрел, как языки пламени охватывали книги, — прекрасные новые книги, — как коробились переплеты, шелестели страницы, переворачиваемые пламенем. Гарри пробрался вперед, он был уже у самого костра. Пламя разгоралось, стало жарко, большинство людей сбросило свои капюшоны, пот струился по их красным лицам, серьезным и мрачным, и в этом было что-то комичное и одновременно жуткое.

— Почему сжигают эти книги? — шепнул Гарри парню в шапочке бурша.

— А ты не слышал, что говорил Масман? Это подлые книги. Они препятствуют развитию германского духа.

В это время в костер бросили еще охапку книг, одна из них упала в двух шагах от Гарри, корка отвалилась, и Гарри прочел заглавие: «Дон-Кихот»!

Вся кровь бросилась ему в голову. Он рванулся вперед, пламя обожгло лицо, он схватил книгу и прижал ее к груди. В то же время он почувствовал резкий удар и, падая, услышал выкрикнутые кем-то слова:

— Max морес юд!¹

...Когда он очнулся, было уже темно. Площадь опустела, костер погас, и лишь кое-где шуршали обгоревшие страницы...

БЕРЛИН

Гейне было двадцать четыре года, когда он приехал в Берлин.

Он еще робок и неуверен в себе. На губах его, резко сжимающихся и удлиняющихся, во время разговора еще не блуждает едкая усмешка, он охотнее слушает, чем говорит, скорее сам боится насмешек, чем смеется над другими.

Берлин очаровывает его. Столица, духовный центр, Гофман, Иммерман, Гегель...

За три года до появления Гейне в Берлине умер знаменитый философ Фихте. Нескоро удалось воз-

¹ Презрительное антисемитское восклицание.

местить эту потерю. Долго место философа оставалось незамещенным и лекции по философии в университете читали жалкие апологеты, бездарные популяризаторы.

Но в 1818 году в Берлине был приглашен Гегель. И буквально в течение нескольких месяцев философ завоевывает университет, город, Германию, чтобы через некоторое время завоевать весь мир. Уже в начале 20-х годов в Берлине создалась настоящая гегелева школа. Видные философы начали читать лекции, истолковывающие, разъясняющие учение Гегеля.

Гейне повезло. Начинающий поэт, он попадает в знаменитый литературный салон Рахели Варнхаген.

И вот однажды вечером молодой поэт появляется в доме на Мауэрштрассе. Он проходит тихо и неуверенно мимо фантастического Шамисса, знакомого ему по портретам, успевает взглянуть в его лицо, прикрытое длинными седыми локонами, мимо Эдуарда Ганса, лежащего на медвежьей шкуре у ног хозяйки дома, и скромно становится в углу комнаты.

Все это время Гейне довольно аккуратно посещает университет, особенно лекции Гегеля, и упорно работает над трагедией «Альмансор». Он живет в глубине Фридрихштрассе, в старом доме, похожем на крепость, в комнате его царит беспорядок; он работает обычно до наступления сумерек, чтобы сейчас же отправиться к Рахели.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В апреле Варнхаген знакомит молодого поэта с Губицем, издателем литературного журнала «Собеседник».

Гейне является к Губицу, молча подает ему письмо Варнхагена и, подождав, пока тот прочтет, добавляет в виде постскриптума:

— Я вам неизвестен, как, впрочем, и большинству людей, но я хотел бы, чтобы вы были тем, кто познакомит меня с миром.

Губиц улыбнулся. Это звучало самонадеянно и претенциозно, однако письмо известного критика сыграло свою роль.

— Покажите стихи, — сказал Губиц.

Гейне передал ему тетрадь и с подчеркнутым безразличием отошел к окну.

Стихи понравились. И 7 мая некоторые из них появились в «Собеседнике». Это были: «Кладбище», «Разговор в Надебориской степи», несколько солетов и перевод «Песни духов» из «Манфреда».

Вскоре стихи издаются отдельной книжкой, и, по настоянию Рахели Варнхаген, Гейне пишет на одном из первых экземпляров:

«У меня есть сотни оснований для того, чтобы послать вашему превосходительству, но я приведу только одно: я люблю вас. Думаю, что это вполне достаточное основание. Я знаю, что мое стихотворство еще не имеет большой цены. Только иного да

можно найти признаки, свидетельствующие о том, что я еще смогу дать.

Я целую священную руку, указавшую мне и всему немецкому народу путь вечности,

и остаюсь

Вашего превосходительства покорнейшим и преданнейшим слугой

Г. Гейне,
кандидат прав».

Этот экземпляр он посыпает в Веймар, Гёте.

СНОВА УНИВЕРСИТЕТ

Утро 19 января 1824 года застает Гейне в почтовой карете. Выпившись из Берлинского университета, он вновь направляется в Геттинген, полагая, что там ему легче будет сдать докторский экзамен. Он сосредоточен и молчалив. Он уже принял решение. Он будет заниматься усердно и внимательно, получит, наконец, это проклятое звание доктора прав. Он не изменяет поэзии, нет, но в этой стране нельзя быть только поэтом. Он должен получить диплом, служить, отказаться от уничижительной дядиной подачки.

И вот он снова студент Геттингенского университета, он снова в городе, «где пытка была отменена только несколько лет тому назад». Он посе-

ляется на Вендерштрассе, занимает две хорошие просторные комнаты, живет уединенно, обложившись книгами.

По вскоре какая-то новая мысль увлекает его. Некоторое время он скрытничает, не решается рассказать товарищам, но, наконец, не выдерживает. Он мечтает написать «Фауста». Да, это будет его собственный Фауст. Каждый большой поэт должен иметь своего Фауста. Гете? — но его Фауст будет полной противоположностью веймарскому. У Гете все заключено в Фаусте, в этом взбунтовавшемся докторе. У него же главное будет в Мефистофеле, который и отправит доктора ко всем чертям, когда тот ему надоест. Его Фауст будет экстраординарным геттингенским профессором. Он уже представляет себе одну из сцен, например: чорт и Фауст, путешествуя, попадают к ангелам на чашку чая...

Гейне носится с мыслью о «Фаусте», составляет план, набрасывает отдельные сцены и внезапно объявляется друзьям, что отправляется путешествовать. Ему надоел Геттинген. Он предпримет путешествие по Германии, пройдет весь путь пешком, без спутников, будет отдыхать на лоне природы. Это укрепит его нервы. И в сентябре Гейне предпринимает путешествие на Гарц и в Тюрингию. Он берет с собой лишь самое необходимое, запас бумаги, карандаши.

Мы еще не знаем подробностей этого путешествия. Лишь через несколько лет Гейне опубликует

его результаты, развернет свое знамя борьбы с ненавистным ему миром филистеров. Мы знаем лишь, что в Веймаре Гейне добивается приема у министра Иоганна Вольфганга Гете.

Анекдот об этом посещении рассказал впоследствии Гейне своим друзьям. Он стоял перед великим человеком, робкий и смущенный. Гете не пригласил его сесть. Надменный и холодный, с резкой линией эгоистических губ, замкнутый, спокойный, неподвижный, он несколько минут стоял у стола, рассматривая Гейне, затем проронил несколько слов о погоде, об аллее папоротников между Иеной и Веймаром и потом внезапно спросил:

— Чем вы сейчас занимаетесь?
— Faустом, — ответил Гейне.

Рот веймарца мгновенно замкнулся, глаза превратительно сощурились.

Мы не знаем, о чем думал в эти минуты великий Гёте. О своем ли Fauste, о сорока годах мучительного труда, о своей жизни, вложенной в этот труд...

Они оба молчали. Потом Гёте резко спросил:
— Неужели у вас никаких других дел в Веймаре нет, господин Гейне?

— С моим посещением вашего превосходительства все мои дела в Веймаре окончены.

Гёте ничего не ответил, еле кивнул головой и вышел из комнаты.

3 мая 1825 года Гейне защитил на публичном диспуте против своих оппонентов, доктора филологии Элемана и юриста Геппerta, следующие тезисы:

Супруг есть хозяин приданого.

Заемодавец должен представить расписку.

Всякое судопроизводство должно быть гласным.

Присяга не обуславливает обязательства.

Нельзя сказать, чтобы Гейне блестяще защитил права супруга на приданое или необходимость представления расписки. По крайней мере, профессор Гуго в заключительном слове в качестве высшей похвалы сравнил докторанта с Гёте, который тоже был великим поэтом и средним юристом.

Но, так или иначе, экзамен сдан, и 31 июля в саду лесничего, в беседке из виноградника, за столом, уставленным бутылками, было отпраздновано получение диплома.

ПРОПУСК В КУЛЬТУРУ

Итак, диплом получен, Гейне независим и может располагать собой по своему усмотрению. Он в раздумье. Что ему делать? Какую деятельность себе избрать? О, раньше, несколько лет тому назад, в годы владычества Наполеона, горизонт казался ему ясным. Но теперь все изменилось. Наполеона нет, заботы правительства направлены

к тому, чтобы стереть все следы деятельности французского императора. Нет, бессмысленно адвокатствовать в стране, где существует только два рода общественной деятельности — буршеп-шафт и «народная гимнастика». Трудно защищать право в стране, где за неосторожное слово мучают в тюремной камере Арнольда Руге, а Фрица Рейтера сажают в грязный каземат лишь за то, что цвет его костюма напоминал запрещенный французский флаг.

И все же, после долгих колебаний, Гейне решает стать адвокатом. Он будет работать, откажется от дядиных подачек, выберет себе место по вкусу — не слишком маленькое, но и не слишком большое — чтобы осталось время для занятий поэзией.

Уже посланы два письма в министерство юстиции, берлинские друзья используют свои связи. Но молчит министерство, беспомощно пожимают плечами судебные чиновники, они ничего не могут предложить для еврея Гейне. Он должен креститься.

И поэт решает получить этот «билет на право входа в европейскую культуру». Он принимает христианство так же, как пришлял бы магометанство, буддизм и любую другую веру, обеспечивающую ему независимость и равноправие. Не для того он мучился все эти годы, терпел унижения от дяди и его своры, зубрил ненавистную латинскую терминологию, чтобы все это пошло прахом из-за

какой-то условности. Нет, независимость «стоит мессы».

...И в маленьком прусском местечке Гейлигейштадт, недалеко от Геттингена, в квартире пастыря церкви св. Мартина, 22 июня 1825 года, Гарри Гейне принимает евангелическую лютеранскую веру и получает имя Христиана-Иоганна Генриха.

ВЗРЫВ

И вот выясняется тайна его геттингенского путешествия: его «Путешествие на Гарц», первая часть знаменитых путевых картин, — бомба, наполненная страшным, доселе неизвестным порохом.

Сюртуки, чулки из шелка,
С толким кружевом манжеты,
Речи льстивые, объятья—
Если б сердце вам при этом!

Если б сердце в грудь вложить вам,
В сердце чувство трепетало б.—
Ах, до смерти мне противна
Ложь любовных ваших жалоб!

Я хочу подняться в горы,
Где живут простые люди,
Где свободно веет ветер
И легко усталой груди.

Я хочу подняться в горы,
К елям темным и могучим,
Где поют ручьи и птицы
И несутся гордо тучи.

До свидания, паркеты,
Гладкие мужчины, дамы,
Я хочу подняться в горы,
Чтоб смеяться там над вами.

Это было написано на титульном листе книги. С первых же страниц книги поэт идет в атаку на ненавистных ему людей. Конье поднято, забрало опущено, бой начинается.

Прежде всего поэт разделяется с Геттингеном. С городом, «знаменитым своими колбасами и Университетом», который «принадлежит королю Ганноверскому и располагает 999-ю очагами, различными церквами, одним родовспомогательным учреждением, одною обсерваторнею, одним карцером, одной библиотекой и одним городским погребком, где пиво превосходное».

Затем он принимается за жителей этого города. Он смеется над филистерами, «число которых очень велико: их — как песку или, лучше сказать, как грязи на берегу моря». Он издевается над ними, раздает направо и налево пощечины, плюет в их красные, ожиревшие лица, сбивает котелки, приросшие к затылкам. Он ехидно утверждает, что город будто «построен во время переселения народов, что каждая отрасль немецкого племени остановила там по одному необузданному своему отпрыску, откуда и происходят вандалы, фризы, швабы, тевтоны, саксы, тюринги и т. д., каковые и по-сейчас слоняются в Геттингене ордами по Вендской улице, различаясь цветами шапок и трубочных кисточек; они вечно дерутся на кровавых полях

Ленемюлле, Риченкура и Бовдена, пребывая в привычках своих и привычках все еще среди эпохи переселения народов».

Он оплевывает вождей этих вандалов, «именуемых главными петухами и заслуживающих место в *leges barbarorum*¹ и заканчивает все это саркастическим замечанием, что «жители Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, каковые четыре сословия, однако, далеко не строго различаются между собой. Сословие скотов — преобладающее».

Гейне сразу становится известным. Книгу запрещают не только в Геттингене, но и в других городах Германии. В комнате Гейне выбили стекла, на улице какой-то журналист налетел на него с кулаками. Гейне старается не выходить на улицу, одно за другим пишет опровергивающие письма в Берлин, трубит о своей победе, о поражении, написанном им филистерскому сброду. Он, Гейне, объявляет войну! Теперь он во всеоружии, он отомстит за годы презрения и издевательств.

Гордый и довольный, уезжает он на морские купанья в Нордензее.

Но уже скоро хорошее настроение оставляет его. Все чаще и чаще посещает его мысль об отъезде из Германии, он понимает, что один в поле не воин, что у государства слишком много средств помешать ему говорить полным голосом. В Норден-

¹ Свод законов варваров.

зее враги преследуют его анонимными письмами, в антисемитских листках появляются оскорбительные пасквили.

Вскоре выходит вторая часть «Путевых картин».

Здесь гейневская проза достигает своего апогея.

О чем только не пишет в этой книге Гейне. На протяжении нескольких десятков страниц ведется изумительный диалог с «Мадам», воображаемой собеседницей, скорее не диалог, нет, блестящий монолог, монолог, полный блеска и сарказма, о чем угодно: об устройстве ада, о радости жизни, о страсти, о замечательном барабанщике наполеоновских войск, выступающем на своем барабане «Марсельезу», «На фонарь аристократов» и другие песни революции.

УСПЕХ

Появление второго тома сочинений Гейне было настоящим событием. «Ваша книга наделала много шума, — писал Варихаген из Берлина. — Читатели недоумевают: они не знают, следует ли им скрыть свое удовольствие, или же открыто от речься от него; даже друзья представляются испуганно-добродетельными. Из робкого страха покрещается все».

«Путевые картины» сыграли огромную роль и в развитии самого поэта. Во-первых, он убедился,

что борьба, борьба с филистерами, с правительством, есть сейчас самое главное, самое честайное, самое необходимое для литератора, который смотрит на свою профессию, как на дело служения человечеству. Он пишет, что «мой друг Руссо рассердился на меня за то, что я не поддерживаю его поэтических предприятий, и даже объявил полгода тому назад, что прекращает со мной товарищеские отношения, когда я открыто высказался о пустоте его журнальной деятельности. Но чорт побери его бесцельную возню. Мне по крайней мере кажется, что умному и дальновидному человеку приятнее делать что-нибудь скверное, нежели что-нибудь ничтожное... Ведь мы оба переросли уже милые порывы юношеских лет и юношеской любви, и если у нас по временам выступает еще лиризм, то он уже проникнут более высокими элементами иронии».

Гейне, в начале своего творчества будучи романтиком, подобно многимбросившийся в объятия давно минувших времен, теперь выбирается на поверхность современности и видит ее мерзость. «Ах, дорогой читатель, — пишет поэт, — если ты хочешь жаловаться на эту надорванность, то лучше жалуйся на то, что вселенная разорвана посередине на две части. Так как сердце поэта есть центр вселенной, то, конечно, и оно должно быть надорвано в наше бедственное время. Через мое же сердце прошла великая мировая трещина...»

И действительно, когда рассеялся искусственный туман средневековья, когда рухнули колонны, поддерживающие воздушные замки, умолкли голоса трубадуров и миннезингеров, наблюдательному взгляду Гейне представилась картина, отнюдь не способствующая уничтожению господствующего в сознании поэта разлада.

Трусость, безнадежная покорность, угодливо склоненные головы, и над всем этим — нога в тяжелом солдатском сапоге, готовая придушить малейшее проявление свободного духа.

«Это было ужасное время застоя в Германии, когда я печатал второй том «Путевых картин», — писал Гейне. — До появления книги о ней ходили в публике слухи, поговаривали, что моя книга хочет ободрить запуганное стремление к свободе, и что уже принимаются меры к запрещению ее».

И действительно пророчество Гейне оправдалось. Первым запретил книгу Ганновер, затем Пруссия, Австрия, Мекленбург. Но запрещение действует, как реклама. Гейне окрылен. Он понимает, что приобрел этой книгой в Германии необыкновенные симпатии и популярность. «Ты еще не раз услышишь мой громко звучащий голос против угнетателей мысли...»

Гейне настолько увлечен успехом, что серьезно подумывает о полном переходе на прозу, на публицистику. Ему кажется, что политическая деятельность — его призвание. Он уверен, что его книги привлекут к нему много сторонников, готовых по-

претворять собой. Он склонен переоценивать свое значение как политического памфлетиста, ему кажется, что страница его политической прозы знает больше, чем десятки стихов.

Сейчас же после выхода второго тома «Путевых записок» Гейне отправляется в Англию. Он заботится о своем политическом росте, хочет изучить английскую конституцию, парламентаризм. Он хочет, хотя бы на время, отряхнуться от своих ног на земле Германии, «где господствовала тьма: ничего кроме соли, цензурных постановлений, тюремного плаха, романов отречений, парадов, ханжества и упоумия».

Он поселяется в центре Лондона, недалеко от Ватерлооского моста, каждое утро бродит по многолюдным улицам. «Лондон превзошел все мои надежды своим величием, но я растерялся: ничего кроме тумана, угольного чада, портера и Канинга».

Но Англия не понравилась ему. «Я себе представляю эгоистическую Англию не жирным зажиточным петухом в карикатурах, но, по описанию атирика, в образе длинного, сухощавого, костлявого, старого холостяка, пришивавшего пуговицу, торвавшуюся от его панталон, и такой ниткой, в конце которой висит весь земной шар, в виде клубы, но оп спокойно отрезывает нитку там, где ему ужно, и дозволяет вселенной упасть в пропасть».

Во второй половине июля Гейне отправляется на четырнадцать дней на морские купанья в Рамсгет,

затем возвращается на короткое время в Лондон, а оттуда обратно в Гамбург. В Гамбурге в 1827 году выходит его «Книга песен».

В ПАРИЖ

В Париж, в Париж!

Почему же он медлит? Почему не укладывает чемоданы, не просит паспорт? Что еще связывает его с Германией, что отделяет от Франции, свободной Франции, столь превозносимой им и желанной?

И вот здесь, в этой медлительности, в этой нерешительности, оказывается великая трагедия Гейне. Он ненавидит тиранию, он любит свободу, но вместе с тем он боится ее.

Он боится, что следом за демократией придет ненависть к гению.

Он считает себя революционером, и он прав. Но он был не только революционером, в нем было что-то аристократическое. Он любил свободу, равенство и независимость, ненавидел мещанство, но считал невозможным, чтобы осуществление идеалов средних людей, идеалов филистеров, дало бы желанное царство свободы.

Он глубоко несчастен. В десятках прекрасных стихов воспел он свою любовь, но его отвергли, даже не выслушав. Его травили христиане за нападки на религию, его ненавидели евреи, как ре-

негата и отщепенца, против него объявили поход филистеры, евреи и христиане — за то, что он пригвоздил их к позорному столбу. И вот он, Генрих Гейне, ненавидящий угнетение, приветствующий свободу, все же колеблется принять решение. Он боится толпы, боится вида вывороченных камней мостовых, боится баррикад.

Трагедия усугубляется еще тем, что он сам отдает себе отчет в этих противоречиях. Всего лишь месяц тому назад в письме к Варнхагену он пророчески писал: «Особенно опасна для меня грубая аристократическая гордость, гнездящаяся в моем сердце, — я все еще не могу вырвать ее с корнем, она... может привести меня к изысканным гадостям».

...И все же он едет. Иначе не могло быть. Победил революционер и демократ, и исход этой борьбы был предрешен всей его жизнью.

Перед отъездом Гейне разыскал художник — Морис Оппенгейм. Он умолял поэта разрешить написать его портрет до отъезда, в последние дни пребывания на немецкой земле.

...На портрете уже не прежний Гейне, не застенчивый юноша в нансуковом пиджаке. Что-то нарочито небрежное в его слабо завязанном галстуке, поддерживающем широкий ворот рубашки. Что-то от байроновского подчеркнутого безразличия к окружающим. Лицо его недовольно, на нем отпечаток страдания, тщательно скрываемого под маской снисходительного иронического спокойствия,

едкая улыбка прячется в уголках рта. Ждешь, ч сейчас разомкнутся эти тонкие, злые губы, раз дастся тихий, умышленно приглушенный голос сверкнет острая шутка.

...1 мая 1831 года Гейне переезжает Рейн из Страсбурга, а через два дня после этого, в купе почтовой кареты, въезжает в Париж.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Позади Германия, Мюнхен, где ему пришлось пережить один из самых тяжелых периодов жизни; католическая клика всячески травила поэта, делая все возможное, чтобы заставить его уехать из Мюнхена, а один из злейших врагов Гейне—граф Платтен — напечатал гнусный памфлет на поэта И вот Гейне в Париже.

Первое письмо на родину — крик восторга: «Священные июльские дни Парижа! Вы будете служить доказательством прирожденного благородства людей, благородства, которое никогда не может быть вполне уничтожено. Кто вас пережил, тот уже не стонет над старыми могилами и радостно верует в воскресение народа.

Священные июльские дни! Боги на небесах, которые смотрели на эту великую борьбу, ликовали от восторга и охотно встали бы со своих золотых кресел, чтобы сделаться гражданами Парижа.

Особенно в июле месяце солнце всего сильнее

воспоминаниями своим лучами сердца парижан, когда свободе угрожали опасности и когда упомянутый «олицем парод Парижа поднялся против сгнивших Бастилий».

К этому периоду относится страшное увлечение Гейне сен-симонизмом.

«Я теперь много занимаюсь историей французской революции и сен-симонизмом, — пишет он в Берлин Варнхагену. — Я непременно напишу книгу, как об одном, так и о другом, но мне еще надо много учиться. Весь последний год я научился многое понимать, присматриваясь к борьбе партии и сен-симонистскому учению».

Гейне наслаждается Парижем. Все, все кажется ему прекрасным. Он стоит на вершине Пантеона, в белой поярковой шляпе, с золотыми очками на носу, фланирует по Пассаж де Папорам, кокетничает с женщинами, любуется витринами, по утрам спидит в королевской библиотеке за чтением древнего «Кодекса мицезингеров», бродит по Лувру, посещает театры, знакомится с артистками.

Он в восторге. «Если кто-нибудь вас спросит, как я тут поживаю, то отвечайте: как рыба в воде, или лучше сказать, что если рыбы в море спрашивают друг друга о здоровье, то одна рыба должна отвечать другой — я чувствую себя так же хорошо, как Гейне в Париже».

Обычно днем он заходит в изящный книжный магазин Гейделлоха и Кампе — своего издателя. Здесь ежедневно собираются все выдающиеся нем-

цы, живущие в Париже. Кампе, находящийся в это время в Париже, весело встречает своего поэта. О надеется, что свежий воздух Парижа окажет благотворное влияние на музу господина Гейне. Единственное, что он позволил бы себе посоветовать господину Гейне, — направить свое творчество более мирное русло. Пусть он поверит ему, старому издателю, так будет лучше. Господин Гейне уже достаточно потрудился, чтобы снискать себе репутацию потрясателя основ. Не надо походить на Дон-Кихота...

Гейне хмурится при упоминании этого имени. Хорошо. Он подумает. Пока он не может сказать ничего определенного.

Он заполняет свои дни развлечениями. Зимний сезон начался вскоре после его приезда в Париж за короткое время он познакомился с многими всегдашними светских гостиных.

Но особенно глубоко запал ему в душу один вечер в *Chaussee d'Antin*.

«Это был блестящий вечер; все традиционные элементы общественных увеселений были налицо: достаточно огней для освещения, достаточно зеркал, чтобы смотреться, достаточно людей, чтобы разогреться в толкотне, достаточно прохладительных напитков и мороженого, чтобы освежиться».

И вот он, изящный, надушенный, наводит золотой лорнет на обитателей гостиной, разгуливает по тяжелым коврам. Но его мало кто замечает

еще не известен в Париже. Гости мило улыбались его шуткам, тотчас же забывая о поэте. Это Германия.

В это время Гейне увидел, как несколько мужчин ведут к роялю небольшого взъерошенного человека. Человек упирался, бормотал какие-то ненизкие слова, смущенно улыбался, но его никто не слушал, взгляды всех устремились к нему, многие подошли к роялю.

Наконец, человек сел у рояля. Минута — и всё исчезло из гостиной. Не было видно прекрасных, ризукрашенных женщин, яркий свет перестал реять глаза, не слышно было ни одного слова, не видно было даже человека, сидящего за инструментом, лишь гремел рояль, похожий на черный паркофаг, и казалось: клавиши истекают кровью. Что было «Шествие на казнь» Берлиоза, а человека, сидевшего за роялем, звали Франц Лист.

Побледневшие взволнованные лица, легкие вздохи во время пауз, наконец бурное одобрение, похвальства, восторг.

Лист сыграл еще несколько вещей. «Палигенезии» Баланша сменили вариации на темы Шопена...

Поэт испытывал наслаждение: звуки превращались в светлые образы и краски, рояль гремел, казалось, что сейчас лопнут все его струны, наконец последний аккорд, огромной, потрясающей силы удар. Лист встал, застыв в изящном поклоне.

С вечера они ушли вместе: Гейне и Лист. Мы не

знаем, о чем рассказывал поэт великому музыкату, какие темы занимали их. Известно лишь, что этого времени Гейне сделался страстным поклонником пианиста. Он повесил его портрет в свое маленькой комнатке, хранил несколько нотны страниц, написанных собственноручно Листом.

Гейне быстро знакомится с литераторами Парижа... На второй же день после вечера в Chausse d'Antin Гейне через Листа получил приглашени к Жорж Занд. Писательница знакомит его с Бальзаком.

Постепенно Гейне входит во французскую литературу. Он входит туда прежде всего переводами сделанными из его произведений двадцатых годов. В 1832 году в журнале «Репю де Де Монд» помещаются переводы его «Путешествия по Гарцу» книги «Легран».

В 1834 году Гейне начинает печатать серию статей, объединенных общим названием «О Германии со времен Лютера». Каждый день приносит поэту славу. О нем уже говорят в литературных салонах, его имя часто встречается на страницах газет и журналов. Постепенно образовалась целая группа французских литераторов, занимающихся главным образом переводами Гейне.

ТУМАН РАССЕИВАЕТСЯ

Но уже в первые годы пребывания в Париже Гейне видит, что не все здесь так уж прекрасно. Первые месяцы он наблюдал Париж как бы в ту-

шь, в глаза бросались лишь яркие, торжествующие огни победы. Но постепенно туман рассеялся.

Достаточно прочесть лишь некоторые из статей, которые Гейне помещал в качестве парижского корреспондента в «Аугсбургской всеобщей газете», чтобы понять разочарование, охватывающее эста.

В этих корреспонденциях, едких и прозорливых, Гейне выступает как политик, тонкий и глубокий. Незадолго до приезда Гейне в Париж министр первого короля — капиталист Лафитт, тот самый, который воскликнул: «Отныне начинается царство шкиров!» и этим, по выражению Маркса, выдал ийну новой монархии, — ушел в отставку. Реакционер Казимир Перье пришел ему на смену со словами: «Франция хотела, чтобы монархия была ациональной, но она вовсе не хотела, чтобы королевская власть была бессильной». Зоркий глаз Гейне видит то, что не дано было видеть многим. В первой же статье он пишет о том, что положение народных низов в Париже так безнадежно, что при малейшем поводе может произойти восстание. Он констатирует отступление по всему фронту, страх правящих кругов перед революцией.

«Каждый день делаются явные шаги вспять и одобно тому, как камни мостовой, которыми в юльские дни пользовались как оружием и которые с тех пор еще лежали в некоторых местах, загроможденные в кучи, теперь снова спокойно

вбиваю в землю, чтобы не оставалось никаких видимых следов Революции, — так и народ втаптывают, словно камни, на прежнее место и снова поопирают ногами».

Он ехидно пророчествует: «О короле рассказываю, что в первую ночь ему спалось не так хорошо, как всегда, и что его посетили разные призраки. Так, он будто видел Марию-Антуанетту, носившуюся по комнатам с раздувающимися от гнева ноздрями, как некогда в день 10-го августа; потом он слышал лукавый смешок того красного человечка, который явственно смеялся иногда за спиной Наполеона, под конец же к нему явился св. Дени и от имени Людовика XVI вызвал его на дуэль на гильотине. Св. Дени, как всякий знает, — услужливо напоминает Гейне, — покровитель королей Франции; как известно, этого святого изображают держащим в руке собственную голову».

Таков стиль статей Гейне.

Свободно, даже, на первый взгляд, легкомысленно, строит он свои утверждения и доказательства, чтобы внезапно закончить их фразой — меткой и острой, как удар ножа.

В начале августа Гейне отправляется в Булонь, купается в море до сентября. По возвращении в Париж запирается в своей комнате, почти не выходит на улицу. Работает. Через несколько дней появляется его первое произведение на французской земле. Это впечатление от Лувра, статья о художниках.

Хмуро читает статью Кампе. Если он правильно понимает, господин Гейне доказывает, что мнение о необходимости мирного спокойного времени для благоприятного развития искусства, особенно живописи, является, с точки зрения господина Гейне, мнением абсурдным?

Гейне резко отвечает: именно так. Его глубокое убеждение заключается в том, что искусство возродится именно на основе тех идей, которые сейчас потрясают мир. Неужели господин Кампе всерьез не одобряет рукопись? Гейне улыбается, дружески треплет по плечу толстого, массивного человека: «Ну, бросьте, Кампе, вы же верите в меня, не будьте вероотступником, поклоняйтесь одному богу».

Кампе хитро щурит маленькие глазки: «Мой любезный поэт, в древнее время каждый порядочный бог имел своих жрецов. Люди верили в бога, приносили ему жертвы, но выгадывали от этого, естественно, жрецы. Я не знаю, приносят ли вам жертвы, господин Гейне, но, клянусь честью, я от этого ничего не имею».

Кампе протягивает ему рукопись. Нет, он не одобряет этого дела. Он слишком любит господина Гейне и... себя, если уж на то пошло, чтобы итти на такие авантюры...

За последнее время Гейне получил много грубых, издевательских писем из Германии.

Гейне кажется, что он окружен прусскими шпионами. Из комнатки в гостинице на улице Ришелье,

населенной преимущественно немцами, где он жил все это время, Гейне переселяет в меблированные комнаты. Здесь он снимает у какой-то старушки две маленькие полутемные каморки с окнами, выходящими на задний двор, поросший травой, отгороженный от улицы. Его единственный слуга — безобразный араб, обязанность которого приносить Гейне кипяток и убирать его комнаты.

Все реже и реже посещает поэт лавку Кампе, его уже не видно в маленьком ресторане на улице Валуа, все реже и реже предпринимает он прогулки в Версаль и Сен-Клу.

Головные боли опять начинают мучить Гейне.

ЛЮБОВЬ

Крестьянская девушка Кресценция-Евгения Мира давно рвется в Париж. Маленькая деревушка Вино опротивела ей. Ее манит Париж, она хочет попытать там счастья.

Мысль о Париже преследует ее постоянно. Она бродит по единственной деревенской улице и мечтает о парижских бульварах, она сидит за пряжей в своем маленьком домике под соломенной крышей, там, где она восемнадцать лет тому назад родилась, и представляет себя в роскошном дворце, она смотрит на деревенских парней и создает в мечтах своих образ юноши, блестящего, знатного и красивого, богатого настолько, чтобы

дать ей все, что она захочет, любящего настолько, чтобы жениться на ней Да, именно жениться, ничего другого она не признает. О, она знает себе цену. Она красива, ее фигура предмет зависти подруг, она не глупа — это несомненно, ни на какую временную связь она не пойдет, солидный брак, обеспеченное положение — только это может привлечь ее.

Жить в Париже, развлекаться, иметь богатого и красивого мужа — вот все, что она хочет.

Настойчивая и энергичная, она убеждает родителей, что им, в сущности, даже выгоден ее переезд в Париж. Они избавятся от лишнего рта. Пусть они не беспокоятся. Она не пропадет. Она знает бабочек, летящих на огонь и обжигающих себе крылья. Она не такая. Она знает, чего хочет, и добьется своего...

И вот в начале 1833 года Кресценция появляется в Париже. Она поселяется у тетки, устраивается на работу в модный магазин дамского платья, посещает танцевальные вечера, бродит по парижским бульварам.

Уже несколько раз замечает она, прогуливаясь по Пассаж де Панорам, что какой-то полный господин в золотых очках неотступно следует за ней. Она точно помнит день, когда в первый раз заметила его. Это было третьего дня вечером. Он медленно шел навстречу ей, глазея по сторонам, вот у этого кафе они поравнялись, господин посмотрел на нее и (она прекрасно заметила!), сде-

лав несколько шагов, свернул за пей. Некоторое время он шел сзади. Кресценция могла поклясться в этом даже не оборачиваясь. И когда она остановилась у витрины ювелирного магазина, чтобы взглянуть на замечательную брошь (она каждый вечер останавливалась здесь, игумительная брошь — маленький бриллиантовый краб), он тоже остановился.

Кресценция резко отвергла все его попытки познакомиться. Нет, нет, она не имеет обыкновения знакомиться на улице. Для этой цели у нее есть масса возможностей, стоит ему только посмотреть по сторонам. Но господин в очках — сама корректность. Он страшно опечален, что причинил мадемуазель неприятность. Он абсолютно ни на что не претендует. Просто он очень скучает и единственное его желание — совместная прогулка по бульвару. Он готов представиться мадемуазель. Его зовут Гейне. Может быть, мадемуазель приходилось читать его книги?

Кресценцией овладевает любопытство. Ей приходилось знакомиться с приказчиками, в числе ее поклонников был даже коммивояжер, но она никогда не видела человека, пишущего книги.

И вот они идут по бульвару, беседуют, заходят в кафе. Затем Гейне провожает девушку домой. Они условливаются встретиться послезавтра. Весь следующий день Гейне думает о девушке. Он уговаривает себя, что все это не больше чем про-

стое уличное приключение, что, очевидно, назавтра он забудет о ней.

Тем не менее он приходит на свидание. Кресценция весела, жизнерадостна, непосредственна. Это настоящая парижанка, болтливая, оживленная, остроумная. Она говорит безумолку, рассказывает о себе, своих родных, много смеется.

После этой встречи Гейне признается себе, что влюблен в эту девушку.

И вот начинается второй роман Гейне, обнаруживающий его способность беззаботно и преданно любить. Этот роман был для Гейне удачнее первого. Но много ли радостей принес он ему?..

Кресценция, которую он зовет Матильдой, по имени геронни модного тогда романа мадам де-Сталь, откровенно заявляет Гейне о своих намерениях. Ни на какую легкую связь она не пойдет. Она держит поэта в почтительном отдалении, ходит с ним на танцевальные вечера, танцует с другими, флиртует, дразнит его, вызывает в нем муки ревности.

Вся жизнь Гейне теперь наполнена любовью. Я «по горло увяз в одной любовной истории, — пишет он Августу Левальду, — из которой не выбрался и посейчас. То, что не связано с нею непосредственно, с октября месяца потеряло для меня всякое значение. Читали ли вы «Песню песней» царя Соломона? Прочтите ее еще раз, и вы найдете в ней все, что я мог бы вам сейчас сказать».

Гейне предлагает Матильде выйти за него замуж. Против ожидания, Матильда в раздумье качает головой: она подумает. Она вообще еще не собирается замуж. Она так молода...

Но по вечерам она совещается со своей теткой. Что за народ писатели? Как они обеспечены? Признается, полный остроумный господин ей нравится, но она хочет быть благоразумной.

И она продолжает свои платонические встречи с Гейне, иногда обманывает его, не приходя на свидание, иногда просто смеется над ним.

Наконец, Гейне не выдерживает. Он чувствует, что девушка любит его несравненно меньше, чем он ее, и решает одним ударом разорвать эти отношения.

Немедленно по принятии решения он упаковывает чемоданы и уезжает в поместье к своей приятельнице, итальянской графине, Христиане Бель Джойсо, в замок Жоншер, близ Сен-Жермена.

Некоторое время он живет там, стараясь не думать о Матильде. Пишет друзьям: «Глупец,— я верил, что пора страстей для меня миновала, что я никогда не буду вовлечен в водоворот человеческого неистовства, что в своем спокойствии, благоразумии и уверенности я равен вечным богам— и вот взгляните! Я снова буйствую, как человек, и даже как молодой человек! Теперь, благодаря моей несокрушимой духовной силе, душа опять усмирена, смятенные чувства укроше-

ны вновь, и я живу весело и спокойно, в замке одной прекрасной приятельницы, вблизи от Сен-Жермена, в милом окружении благородных лиц.

Думаю, что душа моя, наконец, очищена теперь от всякого шлака; стихи мои сделаются прекраснее, книги мои — гармоничнее. Я знаю твердо: ко всему неясному и неблагородному, ко всему пошлому и затхлому у меня сейчас подлинное отвращение».

Но и сейчас Гейне не равен вечным богам в своем спокойствии и благоразумии. Написав это письмо, он опять думает о Матильде. Ему самому не хочется признаться, что единственное, связывающее его сейчас с Парижем, — Матильда. Он делает гигантские усилия, чтобы забыть о ней, сосредоточиться на работе, но идут дни, и все настойчивее его тянет в Париж. Матильду, только Матильду хочет он видеть.

И так же молниеносно, как бежал он из Парижа сюда, бежит он обратно в Париж.

На другой день он посещает Матильду. Бурное объяснение. Матильда уступает. Они поселяются вместе.

И вот Гейне решает заняться воспитанием Матильды. Этот по-своему сильный, насмешливый, злой человек видит чуть ли не цель своей жизни в воспитании жены. Он заставляет ее читать книги, нанимает преподавателей, окружает ее вниманием и любовью, но Матильда зевает, читая книги, увиливает от уроков. Она поздно встает, весь

день гуляет по городу, вечером тянет мужа в кафе. Она даже не знает толком, чем занимается ее муж. Она слышала, что он пишет книги. Однажды он принес ей французское издание «Путевых картин», но «едва она успела прочесть одну страницу, — пишет Гейне, — как побледнела смертельно, задрожала всем телом и попросила меня, ради бога, запереть эту книгу. Она наткнулась в ней прямо на любовную сцену, а при ее ревности она не хочет, чтобы даже до ее царствования я поклонялся другой».

Матильда экспансивна, взбалмошна. Она требует поклонения, постоянного внимания, и, странно, Гейне, столько переживший в жизни, столько страдавший от несправедливости и нечуткости женщин, которых он любил, находит в себе силы и желание постоянно думать и заботиться о Матильде.

«Я пью полной чашей боль обладания», — пишет он в одном письме.

«Теперь Матильда ведет себя хорошо — она мучает меня во сне больше, чем наяву».

Гейне поглощен любовью. Он едет с Матильдой в деревню к ее родным, умиляется при виде первой рубашки Матильды, просит мать подарить ему эту реликвию.

Проходит шесть лет в мучительном соревновании. Гейне прилагает нечеловеческие усилия, чтобы поднять жену до себя, сделать из нее человека. Но Матильда, смеясь, отвергает все его по-

пытки. Она не хочет быть образованной. Ей это ни к чему. Она прекрасно себя чувствует, и — пусть он не сомневается — она любит своего Анри. Но книги... нет, это выше ее сил.

С годами любовь Гейне к жене не угасает, а разрастается с новой силой.

Уезжая, он с каждой станции шлет ей записки, строки, полные нежности и любви. «Сердце мое полно забот: я оставил мою бедную овечку в Париже».

Он пишет ей часто, как только это возможно, но Матильда во время каждой отлучки мужа забывает о письмах, подолгу молчит, вызывая в нем страдания и муки ревности.

«Моя любимая, — пишет в одном из писем Гейне, — я не получил еще ни строчки твоих карауль...»

До сих пор еще Гейне не оставляет надежды воспитать свою жену так, как этого ему хочется. Почти в каждом письме он буквально умоляет ее заниматься языками, каллиграфией, грамматикой. Он умоляет ее писать больше и вести себя так, «как я этого заслуживаю». Он смиленно подписывается «твой бедный пес и супруг», он пишет: «Меня терзают заботы о тебе. Столько времени не иметь вестей от тебя, о господи! Какой ужас!»

И даже тогда, когда ужасная болезнь навсегда прикует его к постели, даже в течение тех страшных восьми лет, когда он, парализованный

и почти ослепший, лежал в своей «матрацной могиле», он не уставал писать: «Мы — значит я и моя Матильда, которой выпала жестокая доля у моей постели больного, которая предана мне с большею верностью и любовью, чем когда бы то ни было, и которая может быть единственная причина того, что я еще терпеливо переношу эту собачью жизнь».

По-своему она, конечно, любит его. Биографы Гейне стараются даже доказать, что Гейне доволен этой «дикостью», «самобытностью» своей жены, ему будто бы льстит сознание, что жена любит в нем не талант, не знаменитого Гейне, а просто человека, просто «Анри».

Но это натяжка, основанная на случайных фразах поэта, на словах, отражающих компромисс в душе этого гордого и самолюбивого человека.

Неужели Гейне не понимал, что Матильда недостойна его? Неужели он не видел, что ее чувство неизмеримо меньше того, которое он, Гейне, вкладывал в их отношения? Но он искренно любил. Может быть, огромным усилием воли одинокий, затравленный, окруженный врагами поэт сознательно создавал себе иллюзию этой любви, чтобы хоть в ней находить утешение. Ему приятно было верить, что около него есть бескорыстно преданный ему человек.

Он, достойный такой огромной любви, никогда не был любим по-настоящему.

БЕРНЕ

История его отношений с Берне, закончившаяся в 1840 году, с появлением книги под сенсационным заголовком «Генрих Гейне о Людвиге Берне», наложила отпечаток на всю жизнь поэта. Возмущение, брань, насмешки обрушились на голову автора этой книги, чтобы потом преследовать его до конца жизни и после смерти.

Гейне и Берне. Один — причудливое сочетание революционного демократизма с аристократическим романтизмом, гениальный, противоречивый, самолюбивый, страшный своей силой насмешки и анализа, другой — воспитанник франкфуртского гетто, талантливый, не терпящий компромиссов, ограниченный в своих политических и философских воззрениях, фанатичный в своей непримиримости радикал, усвоивший внешние нормы поведения якобинцев. Берне признавал только политику, только «народ» и только «тиранов». Он свой человек в «Обществе гонимых или изгнанников», в «Союзе справедливых» и в других обществах и союзах, возникавших среди немцев, бежавших из Германии в Париж.

Уже при первой парижской встрече тень враждебности легла между ними. Гейне посещает Берне в отеле де Кастиль, поэт видит перемену в своем старом знакомом. Шаржируя, с ехидством рассказывает он, что Берне похудел, будто его растопило июльское солнце, что глаза его

сверкали зловещим блеском, когда он, закутавшись в пестрый шелковый халат, по временам высывал свою тощую руку.

Берне рад приезду Гейне. Он говорит с ним о Германии, о революции, которая, по его мнению, там вскоре произойдет. Но Берне антинатичен Генриху Гейне. Все отталкивает его от Берне. И отсутствие юмора и желчность, сменившая прежнюю добродушную веселость.

— Германия беременна революцией! — кричит Берне.

Иронически, пожалуй, просто из духа противоречия, Гейне отвечает:

— Я полагаю, что Германия совсем не беременна.

— Нет, нет! Вы ошибаетесь! Может быть, она родит урода, но все-таки родит...

Они расстались, недовольные друг другом. Впрочем, Берне делает ряд попыток привлечь Гейне на свою сторону. Он помещает несколько хвалебных рецензий на его произведения, заставляет поэта присутствовать на конспиративных собраниях, одно время они даже ежедневно обедают в маленьком ресторане, излюбленном ремесленниками и революционерами. Но Гейне все более и более отдаляется от Берне. Он отказывается подписывать многочисленные резолюции протеста, он умышленно и настойчиво ограничивает круг своих знакомств, с каждым разом дает он

понять Берне, что узко партийная деятельность не интересует его.

Тогда Берне делает последнюю попытку выяснить раз и навсегда отношения между ними. Ночью он приходит в маленькую комнатку Гейне, будит поэта, садится на стул перед его постелью и произносит страшную речь о бедствиях народа. Они говорят в темноте, лишь слабые отблески уличного освещения падают в комнату.

Иногда Берне вскакивает, вытягивает руку, в особо патетических местах его голос возвышается до крика, потом он успокаивается, присаживается на край постели. Гейне молчит. Он почти не отвечает Берне, лишь изредка щурит глаза, спазматическая улыбка появляется на его губах. Лишь тогда, когда Берне сообщает ему о своем намерении написать памфлет против государей, угнетающих народ, Гейне слегка приподнимается и тихо замечает:

— Разве вы профессиональный благотворитель?

...Во всех смертных грехах обвиняет Берне своего бывшего друга. Он клеймит его за то, что тот не придумал ничего лучшего по приезде в Париж, как написать статью о Парижской выставке, он обвиняет его в легкомыслии, в измене делу народа... Он стоит посреди комнаты, рука его вытянута вперед, резкий, возбужденный, подобный римскому трибуну... Но в эту минуту он замечает, что губы Гейне шевелятся. Тогда он за-

молкает и слышит, как Гейне, закрыв глаза, напевает сквозь зубы какую-то песенку.

Берне взбешен. Петь? Петь в такую минуту! Он делает шаг к постели и слышит слова песенки:

Чуть не в каждой галлерее
Есть картина, где герой,
Порываясь в бой скорее,
Поднял щит над головой.

По амурчики сташили
Меч у хмурого бойца
И гирляндой роз и лилий
Окружили молодца.

Цепи горя, путы счастья
Принуждают и меня
Оставаться без участья
К битвам нынешнего дня.

Берне знает эти стихи. Это из гейневской «Новой весны». Стоит ошеломленный. Потом подсказывает к постели и, сжав кулаки, кричит:

— Вы мальчишка! Мальчишка, бегающий за мотыльками по кровавому полю битвы...

Тогда Гейне вынимает из-под одеяла руку, откладывает прядь волос, падающих на лоб, и говорит чуть слышно:

— Простите меня, Берне, но мне хочется спать, — и поворачивается спиной.

...Но как только захлопывается дверь за взбешенным Берне, Гейне поспешно встает. Он зажигает свечу, и руки его дрожат. Со свечой он идет к письменному столу. Он изменник делу народа? Проклятый Берне знает, куда бить! Обвинять его в измене! Только потому, что ему противно позерство псевдонародных трибунов, толь-

ко потому, что ему надоела мышиная возня маленьких партиек!

Гейне мучительно переживает эту встречу. Точно сознательно мучая себя, восстанавливает в памяти недавний разговор, анализирует его во всех деталях. Да, он, Гейне, был пророком, когда писал свою книгу «Le Grande», он знал, что и те и другие будут нападать на него...

Потом он садится к столу и начинает разбирать бумаги. Вот они, эти несчастные письма, эти статьи. Они упрекают его в половинчатости, чрезмерной осторожности, как будто заслуга заключается в крике, а не в мыслях. Хорошо. Он издаст эти письма отдельной книгой. Он напишет к ним предисловие. Он сейчас же напишет его.

И вот, полуодетый, со свечой в руке, ходит Гейне по комнате. О да, он уже знает, как начать предисловие. Оно будет ответом этому псевдотрибуну, крикуну.

И вот он пишет первые строки, спокойные, полные достоинства и самоуверенности:

«Тот, кто умеет читать, сам заметит, что наиболее значительные недостатки этой книги должны быть поставлены в вину не мне, а тот, кто не умеет читать, ничего не заметит...»

Так. Он доволен. Эти слова старика Скаррона как нельзя лучше передают то, что он хотел сказать. Имеющий уши да слышит. Умные поймут, что он был вынужден так писать, если хотел, чтобы его печатали.

Он опять встает, опять бродит по комнате со свечой в руках.

«Изменник!» Это слово еще звучит в его ушах. Садится. Хватает перо:

«Когда мы достигнем того, — бегут по бумаге строки, — что массы будут понимать настоящее, тогда народы не позволят наемным писакам аристократии разжигать войну и раздоры, тогда осуществится великое единение народов, священный союз наций, нам больше не нужно будет сдерживать из-за взаимного недоверия постоянные армии во много сотен тысяч убийц, мечи мы перекуем в плуги и впряженем в них военных коней и добьемся мира, благосостояния, свободы!.. — Он переворачивает страницу и крупно пишет: — Этой деятельности попрежнему посвящена моя жизнь!»

Так. Прекрасные строки, Он доволен.

«Мои враги никогда не ошибаются во мне, хотя бы даже друзья в пылу возбужденных страстей и принимали мое разумное спокойствие за равнодушие...»

Он опять встает, открывает окно, берет свечу и начинает бродить по комнате. Порыв ветра. Тьма. Мрак неприятно действует на Гейне, он торопливо ищет спички и вновь зажигает свечу.

...И опять бегут по бумаге ехидные, злые строчки.

О негодных правителях, воображающих, что они могут обмануть целый народ, да еще народ, ко-

торый изобрел порох, книгопечатание и дал «Критику чистого разума».

О Пруссии — этом долговязом, лицемерно-набожном герое в гамашах и с просторным желудком, с большой пастью и капральской палкой, которую, прежде чем ударить, он опускает в святую воду.

Он издевается, плюет в лицо этой Пруссии, этой философически-христианской солдатчине, этому Тартюфу среди государств.

Потом он идет к Матильде. Будит ее. Рассказывает о ночном разговоре. Как они тупы, эти люди. Они не понимают, что он может расходиться с ними в области мысли, но никогда не отступит, когда надо будет действовать.

Матильда недовольна. Она хмурится, зевает. Зачем Анри разбудил ее и почему он сам не спит? Он опять будет завтра хмурый, а вечером, вместо того чтобы куда-нибудь повесить ее, ляжет спать. Неужели ему мало дня для занятий? Она простит его, но только в одном случае: он немедленно пойдет спать.

Хорошо. Он пойдет спать. Гейне выходит из комнаты, стараясь не шуметь, опять садится за стол. Пишет.

Берне открывает «военные действия» против Гейне. Нет греха, в котором он не упрекнул бы поэта. Он обвиняет его в ренегатстве, рисовке,

самовлюбленности, недостатке ума, бессердечии. Он отрицает какую бы то ни было роль Гейне в деле освобождения народа, он насмехается над поэтом, обливает его грязью.

— Теперь между мной и Гейне все кончено, — не устает повторять Берне, — никогда не отождествляйте нас, не упаковывайте в один ящик!..

Эта фраза доходит до Гейне. Да, цинично заявляет он, не забудьте в этом случае положить между нами вату¹.

Многочисленные сторонники Берне помогают своему вождю травить поэта. Парижские корреспонденты немецких газет печатают всевозможные сплетни о Гейне. Каждый день приносит поэту по нескольку пасквилей и анонимных писем.

«В течение этих двух последних лет, — пишет Гейне, — я видел мало радостей и те немцы, которые встречались мне в Париже, вполне предохраняли меня от тоски по родине. Сволочь, низшие, угрожающие доносами, когда им ничего не дают, бездельники, постоянно говорящие о честности и родине, лжецы и воры».

Наконец, Берне в своих «Парижских письмах» наносит поэту сокрушительный удар. Нападая на Гейне, он открыто обвиняет его в политическом отступничестве, в трусливой и двусмысленной склонности к аристократизму, и впервые намекает на подкуп...

¹ Каламбур: подругу Берне звали мадам Воль. Воль — по-немецки вата.

И вот, легенда о подкупе делается главным аргументом, направленным против поэта. Выдвигается версия, что Гейне был не изгнаником, а добровольным беглецом. Казалось, все забыли, что Пруссия настойчиво старалась засадить Гейне в крепость, забыли, что в свое время Меттерних настойчиво требовал исключения Гейне из числа сотрудников «Всеобщей Газеты», что министр внутренних дел Пруссии объявил, «что Гейне будет заключен, как только вступит на прусскую почву».

...Девять лет молчит Гейне. Девять лет не дает он генерального сражения своему противнику, и лишь в 1840 г. обрушивается он на врага сенсационной книгой «Генрих Гейне о Людвиге Берне».

Но Гейне воюет с мертвецом. Уже три года прошло с тех пор, как умер Берне.

Почему так поздно решил Гейне вступить в бой? Что было причиной этой медлительности? Трусость? Но последующие события опровергают это предположение. Может быть, осторожность, политические соображения?

Известно лишь, что друзья всячески уговаривали его воздержаться от этого выступления. Один из близких поэту людей просит дать прочесть рукопись, несколько недель держит ее в ящике письменного стола, каждый день уговаривая Гейне отказаться от издания этой книги. Он убеждает его не углублять раскол либеральных сил, пы-

тастся изложить поэту, как глубоко было различие между ним и Берне, различие между их задачами и способностями. Он буквально умоляет Гейне отказаться от книги. Доказывает, что нельзя нападать на Берне, поглощенного партийной борьбой, только за то, что он вел ее остро и талантливо.

Все напрасно. В 1840 году книга выходит в свет.

Ни одно произведение не было поводом для столь острой личной ненависти многих людей к автору, как это. И действительно, Гейне в своей книге применил не совсем обычные в литературных делах методы полемики.

Гейне четвертовал Берне. Насмешливо, зло, до неприличия ехидно высмеял он все, начиная с его внешности и кончая убеждениями. Заклеймил его ограниченность, назвал франкфуртским филистером, безумным, неудачным трибуном, взошедшим на Монмартр с шестьюдесятью портновскими подмастерьями, чтобы произнести там пагорную проповедь, человеком, находящим удовольствие вдыхать зловоние и кататься в плебейской грязи. Гейне характеризует все нападки покойного как маленькую зависть, «которую маленький барабанщик чувствует к большому тамбур-мажору».

Без излишней скромности утверждает Гейне, что Берне «завидовал моему высокому плюмажу, который так смело развевался по воздуху, моему богато вышитому мундиру, на котором было

столько серебра, сколько он, маленький барабанщик, не мог бы купить за все свои деньги».

Он подробно анализирует отношения Берне с мадам Воль, с некоторой долей ханжества заявляя, что «в домашнем быту (Берне) я усматривал безнравственность, которая была для меня противна».

Взрыв возмущения был ответом Генриху Гейне на его книгу. От него отвернулись даже самые близкие, самые преданные друзья; один из вождей «Молодой Германии», Гуцков, пишет предисловие к выходящей биографии Берне, самым резким образом высказываясь против Гейне. Поэту не подают руки, обвинения в карьеризме, политическом отступничестве, трусости сопутствовали ему всюду, где бы он ни появлялся.

Кажется, никто не видит положительных сторон, никто не замечает положительных социальных характеристик, в изобилии разбросанных по страницам книги, не замечает того, что конфликт Берне — Гейне является, по существу, конфликтом либерализма с революционной демократией. Никто не читает слов, направленных против официальной Германии, против так называемых «старых германцев», никто не задерживается на тех местах книги, направление которых целиком совпадает с целями и идеями, за которые боролся при жизни Берне.

Никто, наконец, не хочет прочесть окончательной характеристики Берне: «Да, он был не толь-

ко хороший писатель, но и великий патриот... самый великий из всех, высосавший из груди своей мачехи-Германии пламеннейшую жизнЬ и горчайшую смерть».

ПОВОРОТ

Начало сороковых годов знаменует для Гейне поворот к политической поэзии.

Казалось, поэт освободился от меланхолии, транса; бешеные нападки на него, с одной стороны, и вести из Германии о воцарении Фридриха-Вильгельма IV, с другой, — вывели его, наконец, из оцепенения. В злой пародии «Китайский император» он рисует такую «идеальную» страну, где

Безде укрошается дух мятежей,
А вольности нет и в помине,
Китайцам, по мненью великих мужей,
Не воля нужна, а дубина!

Он обращается к «немецкой свободе»:

О, свобода! Ты больше не будешь
Босиком по богатейм ходить;
Наконец получила ты право
И чулки и сапожки носить.
И хорошую теплую шапку
Ты получиши от добрых людей,
Чтобы в зимние дни не могла ты
Как-нибудь отморозить ушей.
Напоит тебя, даже накормят,
Пред тобой открывается мир...
Но смотри, чтоб на крайности только
Не подбил тебя хитрый сатир.

Уклоняйся от дерзкой отваги,
Не сбивайся с прямого пути,
И всегда своего бургомистра
И всех высших начальников чти.

Вскоре он пишет и другое стихотворение—«Для успокоения»:

Мы спим не так, как Брут. На нас он не похож.
Едва проснулся он, как свой холодный нож
В грудь Цезаря воинил. Вот как римляне жили...
...Мы не римляне, нет; мы курим лишь табак.
...Мы, немцы, спим, как спят растения: мирным сном...
...Хотя б в Германию явился даже Брут,
То Цезаря у нас искать—напрасный труд;
Мы Цезаря еще не завели покуда...
Но пряники пекем мы, немцы, просто чудо.

В 1842 г. он пишет знаменитого «Атта Троль»— большую сатирическую поэму, полную отголосков борьбы с Берне и вообще мелкобуржуазным радикализмом.

...Но эти выступления приносят ему лишь норы обиды. Враги опять поднимают визг о неискренности Гейне, о его готовности в любую минуту перейти на любую сторону.

Разочарованный в людях, Гейне стал еще более замкнутым, не заводил новых знакомств. Он никому не доверяется. В каждом новом знакомом он видит потенциального врага, человека, который заинтересован только в его таланте, в его перо, который хочет использовать эти талант и перо для своих личных, корыстных целей.

И действительно, гениальному, прозорливому Гейне, «единственному человеку», еще в 1833 году видевшему то, «чего не примечали ни правительство, ни либералы» (Энгельс), — было трудно выбирать себе друзей.

И большинство из них не понимало поэта, бы-

ло слишком буржуазно ограничено в своих взглядах.

И вот Гейне один, без друзей, затравленный, измученный.

ОН ЕДЕТ...

Мысль о Германии, о поездке на родину с момента памятного разговора с Лаубе не оставляет его.

И вот Гейне собирается в Германию. Он едет в Гамбург, где живет его семидесятидвухлетняя мать. С этим городом связаны самые бурные периоды его юности.

Но прусский посланик не желает визировать ему паспорт.

Надменный, наглый, он стоит у стола в своем кабинете, перед знаменитым поэтом.

Господин Гейне сам виноват в том, что королевское правительство неблагосклонно к нему. При таком таланте он имел все возможности заслужить его расположение. Но образ мыслей господина Гейне...

— У меня нет никакого образа мыслей, — обрывает его Гейне. И ехидный, насмешливый, полный ядовитого сарказма, но с маской серьезности на лице, начинает он доказывать чиновнику, что ему, Гейне, как доброму немцу, просто не полагается иметь какие-либо убеждения..

Но чиновник непреклонен. Нет и нет. Пруссия не желает видеть господина Гейне.

Тогда Гейне решает обойти Пруссию. Он меняет маршрут. Он выезжает из Брюсселя, минует Амстердам и Бремен и 30 октября появляется в Гамбурге.

Как сильно изменилась его мать! «Она очень слаба, — пишет он во Францию Матильде. — Она совсем сморщилась от старости и забот. Так как она очень труслива, то каждая мелочь болезненно волнует ее. Ее величайшее несчастье — гордость. Со времени пожара¹ она живет в двух маленьких комнатах. Она много потеряла благодаря этому пожару, так как ее имущество было застраховано в таком обществе, которое не могло заплатить ей».

Но здесь Гейне живет лишь очень непродолжительное время. Тоска по Матильде не дает ему покоя, он пишет ей каждый день, и каждая задержка в ответе мучит его. Наконец, он не выдерживает, возвращается во Францию.

В это время его посещает один из видных немецких эмигрантов. Он уже несколько раз говорил поэту о предстоящем приезде из Германии одного молодого политика, чрезвычайно способного человека, который уже в двадцать лет был членом Докторского клуба в Берлине, потом ре-

¹ Пожар, во время которого сгорел дом родителей Гейне.

дактировал газету. Теперь этот человек здесь, в Париже. Они должны познакомиться.

Но Гейне решительно протестует. Нет, пет, хватит с него немцев. Он уже достаточно имел с ними дел. Сыт по горло. Он не желает никаких новых знакомств. Ему уже сорок шесть лет, молокососы не интересуют его.

Но эмигрант настаивает. Каждый день заходит он к Гейне, с каждым днем становится все настойчивее. Он дипломат, этот немец. Видя, что поэту неприятно его упорство, он на время прекращает говорить об этом человеке, лишь иногда, как бы случайно, вставляет два-три слова о нем, снова перескакивает на другую тему. Настаивает.

И ему удалось уговорить поэта.

ВЕЛИКАЯ ВСТРЕЧА

...Гейне спит у себя дома, среди книг, разбросанных повсюду: на подоконнике, стульях, диване. Читает. В дверь постучали. Гейне взглянул на часы. Половина десятого. Однако этот политик, философ, этот хваленый мальчишка заставил себя ждать. Гейне поручил передать, что готов принять его в восемь часов. Таким образом, он опоздал на полтора часа. Хорошо, что он сам, Гейне, уже успел забыть о предстоящей встрече, сидел весь вечер погруженный в чтение стихов

Беранже. Неторопливо встал. Этот господин заставил себя ждать. Ему тоже придется подождать.

Медленно идет к двери. Открывает. Дождь. Невысокий человек в черном, наглухо застегнутом пальто стоит у порога.

— Господин Гейне?..

Поэт отступает, пропуская гостя:

— Да, пожалуйста.

Человек входит, долго и тщательно вытирает ноги, отряхивается, снимает шляпу, опускает воротник пальто. Это юноша. У него большой лоб, смуглая кожа, черные густые вьющиеся волосы, толстый нос, крупный красивый рот. Он улыбается:

— Я очень извиняюсь за опоздание. Вы назначили мне к восьми. Но у меня заболела жена. Пока я искал карету и ездил за врачом — прошло много времени..

Он говорит по-французски, пропнося слова твердо, тщательно, как человек, много потрудившийся над грамматикой. Но немецкий акцент очень силен.

— Что же с супругой? — спрашивает Гейне. — Я надеюсь, ничего серьезного?

— К счастью, да. — отвечает гость, вешая пальто. — Ничего серьезного. Иначе я бы совсем подвел вас. Легкое головокружение на почве малокровия. Очевидно, перемена климата тоже сыграла роль.

Они входят в комнату. Гейне машинально бросает взгляд на часы. Без двадцати десять. Загубленный вечер.

— Мне передавал господин Руге, что вы хотели повидать меня, — обращается он к юноше.

— Да, да, — отвечает тот. — Я очень благодарен господину Руге и вам. Я искал случая познакомиться с вами, господин Гейне. — Он говорит спокойно, несколько глуховато. — Я надеюсь, мы будем друзьями.

Гейне усмехается. — Было время, когда я никому не отказывал в своей дружбе. — Он собирает книги, освобождает место на диване. Юноша молча помогает ему. Он быстро передвигается по комнате, собирает книги, аккуратно, бережно складывает их в кучки. Иногда он на секунду задерживает книгу перед глазами, уверенно перелистывая по нескольку страниц, улыбается или хмурит брови. Внезапно он останавливается. Он держит раскрытую книгу... Поэт не разбирает, что это за книга. Тщетно щурит он свои близорукие глаза. Подходит. Резко поворачивается и уходит обратно к столу. «Генрих Гейне о Людвиге Берне» — называется эта злосчастная брошюра. Гейне нервничает, надоедливые молоточки уже постукивают в висках, ему хочется подойти к этому бесцеремонному, кажется забывшему о нем, юноше, вырвать у него из рук эту книгу. Он уже все знает наперед. Может в точности предсказать содержание разговора, который сейчас нач-

нется: как могли вы... вся Германия любила вас... писательская этика... Зачем он согласился на эту дурацкую встречу.

Внезапно Гейне слышит смех. Юноша смеется. Громко, заразительно. Он уже не читает книгу, он держит ее в опущенной руке, заложив посередине указательным пальцем, и смеется. Потом так же внезапно замолкает. Смотрит в упор на поэта. Говорит на резком берлинском диалекте:

— Я читал эту книгу, господин Гейне. Очень оструя вещь.

Краска бросается в лицо Гейне. Он растерян, небывалый случай, он не находит слов для ответа, а юноша говорит, говорит по-немецки, спокойно, просто, сжато. Они сидят на диване. Гейне откинулся на подушках, он слушает, слушает внимательно, видит, как его собеседник иногда поднимает правую руку с раскрытой ладонью в уровень лица, задерживает ее на несколько секунд, потом, после едва заметного движения от себя, резко опускает. Да, да. Он читал эту книгу. Он не удивлен, что филистыры всех толков приняли ее в штыки. Ничего другого от них нельзя было ожидать. Конечно, автор переборщил, полемика тоже имеет свои законы. Но это оструя, во многом правильная книга. Внимательно слушает Гейне. Он взъярен, но старается не выдавать своих чувств. Он ошеломлен всем, что слышит, этими фразами, формулировками, резкими, острыми, лаконичными. Все что угодно ожидал он

услышать от этого человека, этого немца, но только не то, что тот сейчас говорит. Гейне хочет затянуть беседу, выиграть время, ориентироваться в обстановке.

— Эта книга — пройденный этап, — подчеркнуто небрежно замечает он. — Признаться, все эти вопросы не занимают меня больше. Политика не рождает поэзию. А я бы хотел остаток своей жизни посвятить поэзии.

Юноша бросает быстрый взгляд на Гейне:

— Да? До некоторой степени я с вами согласен. Кстати, мне приходят на память стихи, политические стихи. — Юноша, сделав секундную паузу, начал декламировать. У него была своеобразная манера читать стихи. Первые строчки он произносил спокойно, как бы читая прозу, больше заботясь о смысле, о точной передаче этого смысла слушателю. Потом увлекался, слово вообще переставало чувствовать себя, лишь одно содержание, один смысл овладевал слушателем. Он декламировал:

Певец германский, чтоб восстала
От сна вся родина твоя,
Так пой германскую свободу,
Чтоб песня, спетая народу,
Как „Марсельеза“ возвуждала.
Не хнычь, как этот Вертер, в жизни
Любивший лишь одних Шарлотт.
Ударь, как колокол пабатный,
Ной про кинжал, про меч булатный
И не давай дремать отчизне...

Гейне встал: — Эти стихи написал я.

— Я знаю это, — спокойно ответил юноша. И они достойны вас. Это прекрасные стихи.

И когда Гейне опустился на диван, сказал:

— Простите меня, господин Гейне, но я не верю в ваше «миролюбие». Для этого вам надо перестать быть самим собой. Ведь в ваших жилах течет кровь. Кровь, а не вода...

Потом внезапно, без всякого внешнего перехода, юноша начинает говорить о себе. Рассказывая о своей работе в Германии, о судьбе газеты, которую он редактировал, о своей женитьбе, о борьбе с родственниками невесты, о вынужденном отъезде из Германии...

Гейне слушал. Судьба юноши, который, очевидно, вдвое моложе его, показалась знакомой. Она походила на его собственную судьбу. Он с удовольствием слушает этого человека. Сам себя ловит на этой мысли. Для него было бы большой неприятностью, если бы беседа вдруг прекратилась, если бы симпатичный немец ушел бы отсюда. Чем больше слушает он его, тем больше хочется ему слушать. Интуитивно он догадывается, что его собеседник знает гораздо больше, чем говорит, что он знает что-то такое, чего не знает сам Гейне.

— Простите меня,—говорит он внезапно.—Вы первый немец, с которым мне за последние годы приходится говорить и не испытывать неприязни.

Юноша улыбается. Медленная улыбка.

— Я очень рад этому, господин Гейне. Я тоже не люблю некоторых немцев. Но с вами я беседую с удовольствием.

...Гейне читает стихи, последние, еще нигде не напечатанные стихи. Он узнает, что его собеседник в ранней юности тоже писал стихи, и этот лишний факт совпадения их биографий еще больше волнует его.

Они вновь возвращаются к вопросу о политической поэзии. Юноша иронизирует над Фрейлигратом, спокойно и зло высмеивает он обнаженную тенденцию в его стихах. Гейне перебивает. Да, да, это его, его собственная мысль, но когда он высказывает ее, весь этот сброд начинает вой об измене.

...Внезапно тухнет лампа. Гейне вскакивает, подходит к столу, извиняется. В лампе нет керосина. Смеется. Они так увлеклись беседой, что даже не заметили, как лампа «готовилась» погаснуть. Но эта беда поправима. Он на одну минуту оставит своего гостя в темноте, зайдет в соседнюю комнату, к жене. Честное слово, он не знает, где она держит керосин. Уходит. Через несколько минут возвращается.

— Мне очень неловко, — смущенно говорит Гейне, — но моя жена спит. Мы немного повздорили накануне, она была очень расстроена и теперь заснула.

— И прекрасно, — шепотом прерывает его юноша. — Не смейте будить ее. Нам не нужно никакого огня. Будем беседовать в темноте. Ведь это не помешает нам слышать друг друга. И понимать. — Он приглушенно смеется. — Идите на

диван. Держите руку. Не роняйте по дороге стульев, а то разбудите ее.

...И они опять сидят на диване.

— Мы говорили о тенденции, — тихо продолжает прерванный разговор юноша. — Я в Германии имел счастье убедиться, как ее понимают наши соотечественники. Эта так называемая тенденция, по существу, не больше чем робкий, пугливый протест, перемешанный с плохо переваренной немецкой философией и объедками французского социализма. И этой бурдой они хотят заменить настоящее искусство. Нет, не в этом смысле политической поэзии. Эта поэзия, пропагандирующая великие мысли, идеалы лучших умов человечества, должна быть прежде всего поэзией, то есть искусством, искусством первого, а не второго сорта...

— О, как вы правы, тысячу раз правы! — прерывает его Гейне. И он говорит о своих замыслах, о будущей поэме, декламирует отдельные, уже созревшие строфы.

Потом они говорят о Германии, о Рейне, о памятнике курфюрсту в Дюссельдорфе, о немецкой земле, о своем детстве.

...На городской ратуше бьют часы. Два часа ночи. Они поднимаются, осторожно, поддерживая, помогая друг другу, пробираются к двери.

В коридоре останавливаются. Свет с улицы падает сюда через окно над дверью.

— Мне хочется сказать вам еще несколько

слов, — говорит Гейне. — Несколько лет тому назад мой друг Генрих Лаубе сказал мне, что я тоскую по Германии. Я ответил ему «никогда! Но... я действительно скучаю по этой стране. Я не знаю, почему я должен уступить ее кому-то. Почему я должен отдать своим врагам Рейн, где я родился, где пел свои первые песни? Я не уступлю Рейна никому! Ни французам, ни тупоголовым немцам. Он принадлежит мне, вам, другим, но не тем, — Гейне жмет протянутую ему руку. — Я люблю Германию...

Тогда юноша отвечает ему: — Я тоже люблю Германию. — Так они стоят несколько минут. Потом Гейне сжимает руку юноши в своих руках. Улыбается.

— В чем вы видите счастье жизни, господин Маркс?

Они стоят друг против друга; пытливые, большие глаза Маркса смотрят прямо в глаза поэта;

— В борьбе, господин Гейне.

Они подружились. Почти каждый вечер заходит теперь Гейне к Марксу, читает ему новые стихи. Мнение Маркса и его жены Гейне очень ценил. Бесконечное количество раз мог выслушивать Маркс какое-нибудь маленькое, в несколько строк стихотворение, обстоятельно разбирать его, с точки зрения стиля, содержания, метрики.

Иногда Гейне приходил к Марксу чуть не ила-

ча, издерганный, обиженный каким-нибудь гнусным пасквилем, напечатанным в немецкой газете, и никто лучше Маркса не умел утешить его, высмеять пасквилянта, подсказать слова защиты.

Маркс любил поэта. Он прекрасно знал его недостатки, чувствовал его слабости, но полагал, что к поэтам нельзя подходить с обычной меркой и тем более к таким поэтам, которые полезны и нужны человечеству.

Бессспорно, Маркс сыграл огромную роль в жизни Гейне. То, что поэт раньше лишь предчувствовал, угадывал инстинктом гения, становилось теперь для него ясным благодаря дружбе с Марксом.

В эту пору Гейне создал свои лучшие стихотворения на современные темы, лучшие образы политической сатиры.

В 1844 году Гейне вторично, уже вместе с Матильдой, едет на родину.

«Я приеду со своим семейством, т. е. с женой и Кокотой» (любимым попугаем Матильды), — писал он родным.

Перед отъездом ему пришлось выдержать долгую борьбу с женой. Она не хотела ехать в Германию, эту чужую страну. Терпеливо уговаривает ее Гейне, он доказывает жене, что поездка необходима, что он будет больше любить ее после того, как она познакомится с матерью, что он по-

может уехать один, не вынесет больше никакой, пусть самой непродолжительной, разлуки.

Наконец, Матильда сдается. И с новой энергией начинает Гейне просить жену выполнить его другое желание: она должна изучить немецкий язык. Ведь не может же она приехать в Германию, в немецкую семью, семью своего мужа, ни слова не говоря по-немецки?..

И он приглашает для жены преподавателя, сам присутствует на уроках.

Но веселой, неусидчивой Матильде с трудом дается новый язык. И перед самым отъездом в Германию ее знания языка выражались в запасе из пяти-шести десятков слов и нескольких немецких фраз. И вот они едут: Гейне, его жена и попугай, запрятанный в небольшой, специально для него сделанный сундучок. В течение пути Гейне подготавливал свою жену к предстоящей встрече. Он рассказывал ей о своих родных, их взглядах, вкусах. Ему очень хотелось, чтобы Матильда понравилась им. Осторожно, полунамеками, советовал он ей быть сдержаннее, серьезнее. Он даже незаметно подсказывал ей первые фразы, которые она должна произнести в первые минуты знакомства.

И вот они приехали.

Шарлотта, сестра Гейне, увидев из окна экипаж, выбежала на улицу. Гейне вышел первым, помог выйти жене, держащей в одной руке сундучок, в другой — попугая. И Матильда, в пер-

вый раз увидевшая сестру своего мужа, громко расхохоталась и, обращаясь к ней, сказала, указывая на попугая:

— Посмотрите, как эта несчастная птица устала!..

Потекли дни. Для Гейне сразу же стало ясно, что его жена, эта красивая, шумливая, легкомысленная женщина, пришла не по вкусу родным. Правда, они ни одним словом не обмолвились об этом. Но поэт не мог не чувствовать скрытой неприязни. Да и Матильде не понравилось в холодном и скучном Гамбурге. И уже вскоре, сославшись на болезнь матери, она одна уехала во Францию.

И опять летят в Париж письма Гейне, письма, полные любви и страсти. «При одном взгляде на твое письмо, — пишет он Матильде, — сердце мое встрепенулось, я напевал, танцевал и отправился в театр насладиться пением и танцами. Давали «Немую», и я проглядел четыре акта. Хорошо ли играли — не знаю; я был занят своими мыслями и совсем забыл об опере; я думал только о тебе, моя бедная подруга, которой пришлось совершить такую опасную переправу...»

И еще во время его первой поездки в Германию рождается поэма...

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Едва переехав границу, поэт слышит песню. Песню про любовь, мучения, жертвы, свидания. Это была песнь отречения. И злобно обрушивается поэт на эту песнь. Он знает мелодию, текст, авторов, тех, кто, советуя пить воду, наслаждаются вином.

И поэт запевает свою песнь. Он высмеивает царство в небе, призывая устроить небесное царство на земле, царство, в котором забудут голод, где будет достаточно хлеба, и миртов, и роз, и утех. И он предсказывает близость этого царства, он поет песнь, новую песнь:

—прекрасней той!
с ней флейтам и скрипкам едва ли
сравниться!

Уже дева Европа помолвлена с богом Свободы, они уже лежат друг у друга в объятиях и блаженствуют в первом лобзании. И плевать, что их брачный союз не скреплен попом... «Много лет жениху, невесте и будущим детям!»

Но... пока поэт поет свою бравую свободолюбивую песнь, — таможенные чиновники роются в его чемодане.

С саркастической усмешкой наблюдает за ними поэт. Глупцы!

Ну, чего в чемодане искать!
Ведь там ничего не найдется,
Моя контрабанда в моей голове
Повсюду со мною везется.

И поэт радуется, ехидничает, издевается над чиновниками.

О, да! У него в голове много, очень много этой «контрабанды».

В ней кружева есть так тонки, что до них
Всем брюссельским очень далеко.
Мне стоит их вынуть оттуда — и вас
Колоть они будут жестоко.

И смею уверить, что множество в ней
Есть тоже и книг схороненных;
Моя голова — это птичье гнездо
Щебечущих книг запрещенных.

И вот поэт на родине:

Чуть стал я на землю родную — во мне
Волшебные соки струятся,
До матери вновь приоснулся гигант,
И снова в нем силы родятся.

Но мало изменилось на родине за эти тринац-
дцать лет.

На аахенских улицах скучно и пасм,
И молят они со смиреньем:
«Прохожий, о, дай нам пинка! Может быть,
Он будет для нас развлеченьем!»

Прошлялся я в этом проклятом гнезде
Часочек — другой; снова встретил
Там прусских военных и в них перемен
Особенных я не заметил.

Все серые те же плащи, воротник
Высокий и красный остался.
(Сей цвет знаменует французскую кровь —
Как Кернер — певец выражался);

Все тот же педантский, дубовый народ,
Напрежнему в каждом движеньи
Прямые углы, и на каждом лице,
Замерзнув, лежит самомненье.

Все так же навытяжку ходят они
Шагами ходульно-прямыми.
Как будто тот фуктель, которым их встарь
Лушили, проглочен был ими.

Единственное новшество отличает поэт: шлемы со стальной заостренной верхушкой.

Но, предсказывает поэт, в случае грозы, этот тяжелый шлем будет лишь притягивать гром, а в войне — служить помехой в бегстве.

Он видит здание почты и — на вывеске — орла, государственный герб.

— Поганая птица! Ну, только б тебе попасть в мои руки — поверь, я и хищные когти тебе отрублю и выщиплю все твои перья!

И вот разворачивается поэма, двадцать семь глав, полные страсти, иронии, любви и ненависти к родине, смелых предсказаний. Как-то страшно сейчас читать то место поэмы, где поэт рассказывает о том, как он пробовал заглянуть в будущее Германии:

Что в ней я видел—сказать не могу,
Молчать ведь я клялся... Мне тоже
Позволено только чуть-чуть намекнуть
Чего я нанюхался... боже!

Теперь еще гадко, как вспомнится мне
Гнуснейший пролог—испаренье...
Казалось, что это—из кожи сырой
И старой капусты смешенье.

Я знаю прекрасно, когда-то Сен-Жюст
Сказал в Комитете Спасенья,
Что в мускусе с маслом из роз не найдет
Великий недуг исцеленья.

Но эта грядущей Германии вонь
Превысила все, что дотоле
Мой нос мог представить себе, наконец,
Не в силах сносить ее боле,
Лишился я чувств..

Теперь все его время отнимают заботы о напечатании новой поэмы. Он пишет своему издате-

лю Юлиусу Кампе письмо, в котором предупреждает о своем намерении прислать ему рукопись для издания. «Это рифмованная поэма, — пишет Гейне, — которая очень смело и индивидуально выражает все брожение нашей немецкой современности». «Вы знаете, я не хвастлив, — продолжает Гейне, — но на этот раз я уверен, что дал произведение, которое произведет больший фурор, чем самая популярная брошюра, и тем не менее сохранит непреходящую ценность классического произведения».

«Но теперь возникает главный вопрос: как вы сможете напечатать эту поэму?»

И действительно, этот вопрос был главным. Предполагать, что цензура пропустит эту насмешливую и острую вещь, эту ядовитую поэму, было бы по крайней мере легкомыслием. Поэтому Гейне в том же письме прямо пишет: «О цензуре не может быть и речи». Но обойти цензуру можно было только издав книгу, в которой было бы больше двадцати печатных листов, так как по закону о печати такие книги не подвергались предварительной цензуре. И вот Гейне собирается издать именно такую книгу, он спрашивает Кампе, может ли тот «напечатать книгу меньше двадцати листов без цензуры? Если нет, то я должен с помощью приложений раздуть ее до двадцати листов...»

Одновременно Гейне пишет следующее письмо Карлу Марксу.

«Дорогой Маркс!

Я снова страдаю моей роковой болезнью глаз¹ и с трудом царапаю Вам эти строчки. Однако то важное, что мне нужно Вам сказать, я смогу Вам сказать устно в начале будущего месяца, так как я готовлюсь к отъезду, опасаясь знака свыше — мне не хочется, чтобы меня сдапали, у ног моих нет таланта носить железные кольца, как носил их Вейтлинг (он показывал мне следы)... Мелкие предательства расцветают лишь в Париже. Книга моя отпечатана, но выйдет здесь только дней через десять — четырнадцать, чтобы тревогу забили не сразу. Гранки политического отдела, те именно, где находится мое большое стихотворение, я посылаю Вам сегодня бандеролью, с тройкой целью. А именно, во-первых, чтобы Вы ими позабавились, во-вторых, чтобы Вы сразу смогли начать действовать в пользу книги в германской прессе, и, в-третьих, чтобы Вы, если найдете уместным, смогли напечатать все лучшее из новой поэмы в «Форвертсе».

Мне кажется, что до конца шестнадцатой главы большой поэмы все годится для перепечатки, только Вам нужно позаботиться, чтобы та часть, где говорится о Кельне, то есть четвертая, пятая, шестая главы, были напечатаны не отдельно, а в

¹ Еще во время первой поездки в Германию у Гейне начали болеть глаза. Врач высказал тогда предположение, что это находится в связи с головными болями, которыми Гейне, как известно, страдал с детства. В действительности и то и другое было симптомами той жестокой болезни, которая и убила Гейне.

одном номере. Так же обстоит дело и с частью, которая касается старого Барбароссы, то есть глав четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой — они тоже должны быть напечатаны вместе в одном и том же номере. Пожалуйста, напишите несколько вступительных слов к этому отрывку. Начало книги я Вам привезу в Париж, оно состоит лишь из романсов и баллад, которые понравятся Вашей жене (дружеская моя просьба — передать ей сердечный привет; я счастлив, что скоро увижу ее снова. Надеюсь, что будущая зима будет для нас менее меланхолической, чем прошлая).

Кампе сейчас делает еще отдельный оттиск большой поэмы, в которой цензура некоторые места вычеркнула, но к которой я написал предисловие, очень недвусмысленное; я в ней решительнейшим образом бросаю вызов националистам. Я ее Вам пришлю дополнительно, как только ее напечатают. Напишите — Грессу (адреса которого я не знаю), чтобы он, как только получит мою книгу, сделал для нее на Рейне в прессе все, что сможет, даже если медведи на него набросятся. Прошу Вас также прибегнуть к помощи Юига для дружественной статьи. В случае если Вы подпишете просимое для «Форвертса» предисловие Вашим именем, Вы можете сказать, что я Вам только что прислал свежеотпечатанные листы...

Пожалуйста, постарайтесь увидеть Вейля и ска-

Жите ему от моего имени, что письмо его, попавшее к подложному Генри Гейне (их здесь много), я получил только на этих днях. Через две недели я увижуся с ним лично; тем временем пусть он не печатает обо мне ни строчки, особенно о новой моей поэме. Может быть, если глаза мои позволят, я напишу ему еще до отъезда. Дружеский привет Бернайсу...

Я рад, что уезжаю. Мою жену я уже раньше отоспал во Францию к ее матери, которая лежит при смерти.

Будьте здоровы, дорогой друг, и извините за мои неразборчивые каракули. Я не могу перечитать написанного — но ведь нам-то довольно одного знака, чтобы понять друг друга.

Сердечно преданный *Г. Гейне».*

Маркс не написал предисловия к «Германии», но напечатал поэму в «Форвертсе» почти целиком.

Лишь через некоторое время поэма вышла в гамбургском издании Кампе. Там поэма была снабжена предисловием самого поэта.

НАЧАЛО КОНЦА

Страшная угроза смерти нависла над Гейне. Многолетняя трагедия приходит к концу. Развязка близка. Прогрессивный паралич — вот будущее поэта.

Первый зловещий признак болезни появляется в 1845 году. Внезапно у него немеют губы и язык, через несколько месяцев паралич поражает ноги и нижнюю часть тела. В письме к Лассалю Гейне пишет: «О глазах своих я не говорю; губы, язык и т. д. поражены гораздо сильнее и мозг кажется не остался нейтральным». Врачи советуют Гейне немедленно переменить климат, он бросается на юг, едет в Монморанси, Бареж, Тарб, опять в Париж.

В начале 1847 года Гейне навещает Фридрих Энгельс. Он привозит ему привет от Маркса. Судорожно улыбается Гейне — он не в состоянии произнести даже несколько слов. Беспомощный и жалкий, он попытался встать с постели, опираясь о стену, хотел доползти до кресла, но упал на полдороге.

...Не двигаются сухие, почти прозрачные руки, атрофировались мускулы, едва слышатся ноги, чуть двигаются губы, черная повязка прикрывает покрасневшие белки глаз.

Но работает мозг! Все, все, кроме мозга, повергло в прах ужасная болезнь, но мозг не тронут, сознание ясно, мысль свободна. Он пишет стихи. Впрочем, не пишет, он сочиняет. Бормочет строфы, диктует секретарю, жене, друзьям. Что же в стихах его? Жалобы на судьбу? Ужас заживо погребенного?

...В маленькой низкой комнате, под самой крышей ветхого деревянного дома, лежит он в своей постели — на восьми матрацах, подложенных, чтобы уменьшить мучительные страдания. И он пишет стихи. Он пишет «Рампенсита» — фриольную, тонкую историю воцарения вора на царство в Египте, пишет страшную «Колыбельную» — «Карл Первый».

Приподнявшись, опираясь на спину Матильды, диктует нараспев жуткую колыбельную песенку:

...В темной чаще леса спряталась избенка —
В той избенке ветхой угольщик живет.
И сидят король там... няньчит он ребенка
И так тихо, грустно песенку поет:

—Баю, баю... в хлеве заблеяли овцы...
Что это в соломе шевелится так?
Спя! Но как сквозь сон ты страшно улыбнулся.
Да... ведь мне понятен на челе твой знак...

В угольщике старом веры уж немного;
Дети их не будут — баюшки баю —
Да, — они не будут больше верить в бога
И еще — то меньше — верить королю.

Изнемог я... сердце у меня изныло
С каждым днем мне хуже... спи, дитя, не плачь!
Баю, баю — я ведь это знаю,
Знаю, ты, малютка, будешь мой палач!

Колыбельной песнью я тебя баюкал —
Этой самой песнью я себя отпел...
Прежде ты мне срежешь волосы седые...
Когда б ты покончить разом все сумел.

Что это в соломе так зашевелилось?
Покорил ты царство — мышка весела.
Ты ведь мне от шеи голову отрубишь.
Да играет мышка! кошка умерла...

Матильде страшно, она уходит к себе в комнату.

...Ночами Гейне лежит неподвижный, бодрству-
ющий. Иногда ему кажется, что все ушли и оста-
вили его одного. Он беспомощен, никому не ну-
жен. Наверно, и Матильда скоро бросит его. Он
прислушивается к ее шагам в спальне, но это не
шаги. Это шумят внизу. Вот опять тихо. Внезап-
но его пугает страшная мысль: Матильды нет в
спальне. Она ушла, бросила его. Невероятным
усилием приподымается он на постели, сваливает-
ся с кровати, ползет к двери спальни. У самой
двери он останавливается, не решаясь открыть
ее, последние силы оставляют его. Без чувств он
падает.

Дверь отворяется, испуганная Матильда пы-
тается довести его до постели.

...Днем он опять сочиняет стихи. Льется гейнев-
ская поэзия, звучит гимн жизни, сверкает острая
шутка... Вот зеркальные окна блестят в Тюиль-
ри; прекрасные фрейлины, во главе с коро-
левой Марией Антуанеттой, собрались они в па-
вильоне Де-Флор. Они великолепны, эти дамы.
Лишь одна маленькая подробность: все они без
голов:

Испрежнему строго блудут этикет,
Свершают его все законы...
И ужас наводят, и очень смешны
Существ безголовых поклоны...

В начале ноября 1854 года его перевезли в но-
вую квартиру — Avenue de Matignon 3, близ Ели-

ссийских полей. Тут он нашел то, чего ему так нехватало: солнечный свет, свежий воздух и зелень. Иногда он заставлял выносить себя на широкий, защищенный маркизами балкон, где для него приготавливали постель.

СМЕРТЬ

За несколько дней до смерти его посетил Беранже — новый преданный Гейне друг. Грузный и задыхающийся, с трудом поднялся он по лестнице. Он увидел Гейне, лежащего на куче матрацев, с черной повязкой на глазах.

Медленно подошел он к постели больного.

— Кто это? — спросил Гейне.

— Это Беранже, — ответила Камилла.

— Да, это я, мой друг, — подтвердил старик.

— Беранже? — переспросил Гейне. — Как вы забрались сюда, так высоко, по этой ужасной лестнице.. А впрочем, путь в рай никогда не бывает легким. — Он говорил тихо, слегка пришептывая, слова давались ему с огромным трудом.

Беранже смотрел на поэта, ждал, что он сейчас улыбнется своей обычной спазматической улыбкой. Но лицо Гейне было неподвижным. Ни один мускул не дрогнул. Мышцы не слушались его.

В комнате было почти темно. Лампа чуть горела, хотя повязка вполне предохраняла глаза больного от света.

Беранже тяжело опустился в кресло:

— Ну... как? — спросил он.

— Прек-рас-но... — по слогам ответил Гейне.

Они оба молчали. Камилла подошла к Беранже и шепнула:

— Он очень волнуется. Будет лучше, если вы уйдете.

Беранже медленно кивнул головой и встал.

— К-куда? — спросил Гейне.

Беранже взял его руку. — Мне пора, — сказал он. — Я зашел мимоходом.

— К ум-м-ирающему не заходят мимоходом.

Беранже вздрогнул.

Гейне продолжал:

— Хорошо... Я отпущу вас... но только — условие... Спойте мне песенку... только одну песенку... песенку о червяке...

...Было темно. Внизу стучали топоры и визжали пилы. Посредине маленькой комнатки стоял старик. Большой, грузный, седые волосы падали на лоб, на отвислые щеки, на лицо, изрезанное морщинами.

Он притоптывал левой ногой и старчески, надтреснутым голосом пел:

Ведь я червяк,
В сравненьи с ним...

— Браво, браво, Беранже... — неожиданно громко произнес Гейне. — Вы великий поэт... — Затем затих и сказал уже шепотом: — Вы познали

высшее счастье... Я не всегда думал так... Вы были певцом народа...

Он замолк. Неподвижны были его руки, губы, лицо.

Беранже сделал несколько шагов к двери.

— Идите сюда... — вдруг позвал Гейне. — И вы, Камилла, идите сюда...

И когда они подошли к постели, Гейне сказал:

— Снимите мне повязку, Камилла. Я хочу взглянуть на поэта...

Камилла запротестовала: — Нет, нет, что угодно, только не это...

— Камилла, я требую: снимите повязку.

И, уступая ему, Камилла приподняла край повязки. Показался красноватый белок.

— Довольно, — сказал Гейне через секунду. И после паузы добавил:

— Как это... ч-чертовски больно...

Беранже плакал.

Итак, он умирает. Теперь это стало ему совершенно ясно. Если раньше он все-таки сомневался в исходе болезни, в неизбежности скорой развязки, то теперь все иллюзии окончательно рассеялись. Он должен умереть.

И вот он лежит неподвижный, высохший, с черной повязкой на глазах. Размышляет. Недавно ему передали о мудрых словах Гете, брошенных веймарцем в беседе с одним из своих друзей;

«В долине, — сказал Гете, — видишь мир иным, чем с горы, и опять иным с ледников...» Да, это мудрые слова. Он, Гейне, сейчас поднялся на ледник, на самый высокий из ледников. Он даже чувствует холодное дыхание вечных снегов... Он не боится заглянуть вниз, в пропасть.

Он лежит один в комнате, обложенный книгами, которые читают ему Матильда или «Мушка». Несколько часов тому назад он слушал страницы из своей любимой книги — «Дон Кихот». Да, эта книга сопутствовала ему всю жизнь. Он вспоминает, что в свое время друзья обратились к нему с просьбой написать предисловие к роскошному изданию «Дон-Кихота» и он с радостью принял это предложение.

...Он лежал и размышлял. И как ни тяжело, как ни мучительно было это раздумье, все же он неизменно приходил к выводу, что жизнь прожита недаром. Пусть он умрет. То, что сделано им, не пойдет прахом. Его творения еще послужат делам, о которых сейчас можно только мечтать. Если бы ему подарили еще одну жизнь, он прожил бы ее точно так же.

За несколько дней до смерти Гейне к нему приехала мать. Долго стояла у постели. Плакала. Неподвижно лежал Гейне. Все, что от него осталось — голос и тонкие, белые, ставшие почти прозрачными руки. Гейне успокаивал мать. Он даже сочинил экспромтом стихотворение, бодрое, озаренное лучами радости и любви к жизни.

Мать тоже старалась отвлечь его от страшных мыслей. Она рассказывала ему старые смешные истории, и иногда ей удавалось заставить его смеяться.

За три дня до смерти у Гейне началась непрерывная рвота. Он без конца принимал морфий, боролся. До последней минуты его не покидала уверенность, что он выйдет победителем из этой борьбы.

Потом у него начался страшный кашель.

Ночью его посетил врач. Гейне попросил его сказать правду о его состоянии.

Доктор промолчал.

Тогда Гейне прошептал: — Благодарю вас.

Ночь прошла более или менее спокойно, лишь под утро слухи о безнадежном состоянии больного распространились по Парижу. Люди стали собираться у дома, в котором жил Гейне. Но, по распоряжению врача, к поэту никого не допускали. Лишь один человек прорвался в комнату, где лежал поэт. Гейне взглянул на него и вспомнил: он встречал раньше этого человека у Фихте. Какое-то подобие насмешки появилось на его губах. А человек — маленький и вертлявый — в несколько прыжков достиг постели и прошептал ему на ухо: — Вам очень плохо, господин Гейне? Очень скоро вы расстанетесь с нами. Неужели вы не хотите, чтобы люди узнали о вашем отношении к богу?..

Молчит Гейне. Мутный взор его устремлен в пространство, неподвижен покрасневший белок.

Потом он раздельно говорит:

— Бог меня простит... это его профессия.

Вошедший в комнату доктор увел этого человека. Потом он спросил больного: нет ли у него какого-либо желания.

— Да, — ответил Гейне, — в соседней комнате спит моя жена. Не будите ее. Там стоят цветы, которые она принесла вчера вечером. Положите их мне на грудь. Я больше всего люблю цветы.

...Когда это желание было исполнено, Гейне неожиданно глубоко вздохнул и громко сказал:

— Цветы, цветы... о, как все-таки прекрасна природа.

Рассказывают, что прежде чем забили гроб, два немца — врачи, лечившие поэта, — простились с прахом. Один из них попросил разрешения отрезать у чела покойного поседевший локон, он долго хранил этот локон, как святыню.

В завещании Гейне запретил анатомировать свой труп. Он также запретил пышную процессию и выразил желание быть похороненным у подножия тихого Монмартра.

Его похоронили 20 февраля, в одиннадцать часов утра, в холодный сумрачный день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не напрасно, по милости богини Гаммоции — патронессы Гамбурга, заглянул Гейне в волшебный котел, чтобы проникнуть в будущее Германии.

Бедный поэт!

Теперь еще гадко, как вспомнится мне
Гнуснейший пролог — испаренье...
...Эта грядущей Германии вонь
Превысила все, что дотоле
Мой нос мог представить себе, наконец,
Не в силах сносить ее боле,
Лишился я чувств...

Гейне оказался пророком. Через семьдесят семь лет после смерти поэта в Германии к власти пришел фашизм, отравив почти все живое в стране тлетворностью своего дыхания.

...И вот Гейне, тринадцать лет проживший в изгнании, изгнан вторично. Даже мертвый, он оказался одним из самых страшных врагов современного фашизма. Его разящая насмешка, его саркастически искривленные губы не дают покоя фашистским правителям.

И они объявили его врагом Германии, предали анафеме самое имя поэта, в жутком садистически-сладострастном упоении сожгли его книги, стерли его подпись на стихах, известных всему миру, и под знаменитой «Лорелей» написали: «Принадлежит неизвестному автору».

Неизвестный автор! Три тысячи музыкальных композиций было сочинено к его стихам. Шуберт,

Мендельсон, Брамс и Рубинштейн считали величайшим наслаждением писать музыку к творениям Гейне; не было в Германии девушки, которая не распевала бы его песен.

Но не так просто уничтожить Гейне. Великий и недосягаемый, он живет в Германии.

Как псы, воющие на луну, в жалком и комичном стремлении погасить ее, — пытаются фашисты покончить с Гейне. Сквозь ураган бесчинств, погромы и насилия прорывается его могучий голос, его смертельно разящая ирония.

Он был великим патриотом своей родины. «Водрузите свое знамя на вершине немецкой мысли, — обращался Гейне к немцам, — сделайте его штандартом свободного человечества, и я отдам за него лучшую кровь своего сердца».

Но в Германии господствуют люди, водрузившие свое позорное знамя на пепелище пожарищ, на обломках разграбленных домов, на трупах тысяч людей.

И Гейне клеймит этих извергов.

Это они «с мелочным буквоедством рассуждают о признаках немецкой национальности». «Они изготавляли проскрипционные списки к тому дню, в который они должны были, по их расчетам, получить верховную власть», они приговорили к изгнанию или смертной казни, «и притом к казни топором, а не гильотиной», каждого, кто происходил «хотя бы в седьмом колене от француза, еврея или славянина...»

И Гейне обвиняет. Каждое утро, читая газеты, слушая радио о новых кровавых подвигах мирового фашизма, мы вспоминаем Гейне, и его творения звучат страшным обвинительным актом.

Гордый и неприменимый, стоит он перед этим мутным разбушевавшимся морем, печально подернуты его глаза, презрение легло на его губы.

Они боятся поэта. Отделенный почти столетием от современности, он вдруг стал одним из самых страшных для фашизма агитатором и пропагандистом.

«Сошли ли совсем со сцены эти мрачные дураки, — так называемые германофилы, — спрашивал Гейне и отвечал: — Нет. Они только сняли с себя свои черные одежды, ливрею своего безумия. Эти остатки, или этих потомков, которые только переделали на новый лад свой старый костюм ультра-немецких болванов и немножко подрезали свои уши, — я всю жизнь ненавидел и сражался с ними...»

Он обвиняет фашизм. Обвиняет меньшинство людей, отравляющих, доводящих до безумия миллионы других людей, он всю силу поэта отдает для того, чтобы сорвать повязку, раскрыть глаза человечеству, показать, кто его враг. Казалось, он предвидел время, когда народы будут систематически прививать бешенство антисемитизма, когда всю нацию захотят превратить в извергов и мракобесов, и поэт заранее подготовил злые слова обвинения, полные страсти и негодования.

И он обвиняет! Всей своей страдальческой, полной титанической борьбы жизнью он обвиняет фашизм. Всеми своими творениями, своим «Путешествием на Гарц», своими стихами, своей «Зимней сказкой» он обвиняет фашизм.

Он боролся с этими подлыми людьми и их лозунгами, которые сейчас господствуют в Германии, боролся не на жизнь, а на смерть.

И до сих пор на Рейне, там, где он играл мальчиком, слагал свои замечательные песни, став юношем, на Рейне, который он так любил и так часто воспевал в своих стихах, — еще нет памятника поэту!

Наглый фашистский сапог придавил все живое не только на земле, давшей некогда миру Генриха Гейне, но и на огромных пространствах Европы. Больше того: трижды презренные, опьяневшие от запаха горячей, только что пролитой крови, изверги начали свой поход, свой сумасшедший марш обреченных, в страну, где Гейне нашел свою вторую родину, — в Советский Союз.

Но он победит, Гейне! Он знает, он уверен в этом!

Многомиллионная армия свободного народа подняла свой карающий меч на насилиников, и меч этот разит беспощадно. С этой армией — Гейне, Гете, Шиллер, с этой армией лучшие, величайшие умы человечества, эта армия непобедима!

Поэтому так свободно звучит громкий голос Гейне вопреки всем попыткам заглушить его, голос ненависти к угнетателям, голос любви к немецкому народу, всему человечеству.

Будет памятник Гейне!

Его воздвигнет новая, свободная Германия, и поэт отдаст ей «лучшую кровь своего сердца».

На берегу Рейна будет стоять этот памятник — символ победы, гуманизма над мракобесием, правды над ложью, человечества над фашизмом.

И великолепные слова поэта будут гореть на пьедестале:

„Как я ни любил поэзию, она была для меня всегда лишь священной игрушкой, лишь освященным средством для высших целей.

Но меч должны Вы положить мне на гроб, ибо я был храбрый солдат в борьбе человечества за освобождение.*

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Это писал Гейне	3
Детство	5
Гейне в Гамбурге	8
Он видел это	10
Берлин	13
Первые шаги	15
Снова университет	16
Пропуск в культуру	19
Взрыв	21
Успех	24
В Париж	28
Первые годы	30
Туман рассеивается	34
Любовь	38
Берне	47
Поворот	58
Он едет	60
Великая встреча	62
Зимняя сказка	74
Начало конца	80
Смерть	84
Заключение	90

Цена 40 коп.

Л

